Теория зла

Автор:
Донато Карризи

Теория зла

Донато Карризи

Звезды мирового детективаМила Васкес #2

Каждый день в любой стране, в любом городе исчезают люди. Исчезают во тьме.

Никто, в том числе и полиция, не знает почему, не понимает, как это происходит. И скоро почти все забудут об этих без вести пропавших. Все, но не Мила Васкес. После описанных в «Подсказчике» событий прошло семь лет, но тьма не отпускает Милу, она оставляет следы на ее коже, быть может, потому корни зла протянулись к ее душе. Помнить про исчезнувших – ее работа. Эти люди смотрят на нее со стен Зала Затерянных Шагов.

Но однажды исчезнувшие появляются вновь. Чтобы убивать. Они выглядят точно так, как прежде. Но Зло безвозвратно изменило их. Расследование совершенных ими преступлений заходит в тупик. И только Мила Васкес способна остановить эту армию теней. Она должна придать тьме форму, сформулировать убедительную рациональную теорию… Теорию зла.

Впервые на русском!

Донато Карризи

Теория зла

Donato Carrisi

L’IPOTESI DEL MALE

Copyright © Longanesi & C., 2013 – Milano

All rights reserved

© А. Ю. Миролюбова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Зал номер 13 муниципального морга – Дантов круг, где пребывают «спящие».

Он располагается на четвертом, и последнем, подземном уровне, в ледяном аду холодильных установок. Этот этаж предназначен для неопознанных трупов. В редких случаях кто-либо запрашивает позволения посетить его.

Но в ту ночь туда пришел посетитель.

Сторож ждал его у лифта, запрокинув голову. Смотрел, как цифры одна за другой, сверху вниз, загораются на табло, и гадал, кем может оказаться неожиданный гость. Еще больше его интересовало, что именно подтолкнуло посетителя к пределу, столь далекому от мира живых.

Зажглась последняя цифра, последовал долгий миг ожидания, затем двери кабинки раскрылись. Сторож оглядел посетителя, мужчину за сорок, в темно-синем костюме. На лице гостя отразилось удивление: он, как и все, кто впервые

попадал сюда, вниз, ожидал увидеть белый кафель, освещенный жестким, стерильным неоновым светом, но стены оказались зелеными, а точечные лампы распространяли оранжевое сияние.

– Такая цветовая гамма успокаивает, помогает предотвратить паническую атаку, – ответил сторож на невысказанный вопрос, подавая гостю голубой халат.

Посетитель промолчал, надел халат, и оба пустились в путь.

– На этом уровне в основном трупы бродяг или нелегалов. Ни документов, ни родни: отбросят копыта и оказываются здесь, внизу. Их размещают в залах от первого до девятого, – объяснял сторож. – Десятый и одиннадцатый – для людей, которые, как и мы с вами, платят налоги и смотрят матчи по телевизору, но в одно прекрасное утро помирают в метро от инфаркта. Какой-нибудь пассажир притворится, будто оказывает помощь, а на деле свистнет бумажник, и привет, фокус удался: дяденька или тетенька исчезают навсегда. Иногда, правда, всему виной бюрократы: девчонка в конторе перепутает бумажки, и вот родным, приглашенным на опознание, предъявляют чужой труп. Человек как будто бы и не умер, его продолжают искать. – Своей импровизированной экскурсией сторож пытался поразить гостя, но тот никак не реагировал. – Дальше – самоубийцы и жертвы ДТП: зал двенадцать. Ведь, может статься, труп в таком состоянии, что сомневаешься даже, человек ли то был, – добавил сторож, испытывая, насколько крепкие у гостя нервы, но тот и бровью не повел. – Так или иначе, закон предписывает с ними всеми обходиться одинаково: держать в холодильной камере не менее восемнадцати месяцев. По истечении срока, если никто не опознал или не востребовал останки, и в случае если тело уже не представляет интереса для следствия, отдается распоряжение о его уничтожении путем кремации. – Сторож на память цитировал инструкцию. И, понизив голос, произнес заговорщицким тоном, ведь с минуты на минуту объяснится причина ночного визита: – Дальше – эти, из тринадцатого зала. Анонимные жертвы нераскрытых убийств.

В случае убийства закон гласит, что тело входит в число улик до тех пор, пока не будет установлена личность потерпевшего, – разъяснял сторож. – Нельзя осудить убийцу, если не доказать, что человек, которого он убил, на самом деле существовал. Если нет имени, тело – единственное тому доказательство. Поэтому оно хранится бессрочно. Один из вывертов судебного крючкотворства: адвокатам такие очень по душе.

Пока не будет выявлено преступное действие, послужившее причиной смерти, останки не могут быть уничтожены или преданы естественному разложению, говорилось в инструкции.

– Мы называем их «спящими».

Неизвестные мужчины, женщины, дети, виновного в убийстве которых так и не нашли. Годами ждут они, когда кто-нибудь придет и снимет с них проклятие быть похожими на живых. И, как в страшных сказках, чтобы это свершилось, надо произнести волшебное слово.

Назвать имя.

Помещение, приютившее их, – зал номер 13 был последним, в самой глубине коридора.

Они остановились перед металлической дверью, и сторож стал возиться со связкой ключей, пока не отыскал нужный. Открыл дверь, отступил в сторону, пропуская гостя. Едва тот шагнул в темноту, как на потолке засветился ряд желтых лампочек: сработали датчики движения. В центре зала стоял стол для вскрытий, вокруг высились холодильные камеры с десятками отсеков.

Стальные соты.

– Вы должны расписаться здесь, таковы правила. – Сторож показал на регистрационную книгу. – Который вас интересует? – осведомился он, явно взбудораженный ночным визитом.

Гость наконец заговорил:

– Тот, что находится здесь дольше всех.

AHF-93-K999.

Сторож знал шифр наизусть, тайна давно его томила. Сразу нашел выдвижной отсек с этикеткой, приделанной к ручке. По левую сторону, третий снизу.

– Среди всех, хранящихся здесь, внизу, история этого тела даже не самая оригинальная, – не мог не уточнить сторож. – Однажды субботним днем мальчишки играли в футбол в парке, и мяч залетел в кусты: так его и обнаружили. Выстрел в голову. Ни документов, ни даже ключей от дома. Лицо до сих пор вполне поддается опознанию, но никто не обрывал телефон чрезвычайной службы, никуда не поступало заявление об исчезновении. За отсутствием преступника, которого, возможно, никогда и не найдут, единственным доказательством того, что совершено преступление, является тело. Поэтому суд постановил, что оно должно храниться до тех пор, пока преступление не раскроют и правосудие не восторжествует. – Он помолчал. – С тех пор прошли годы, а труп все еще здесь.

Сторож давно недоумевал – зачем хранить доказательство преступления, о котором уже никто не помнит. Он был уверен, что мир совсем забыл о безымянном обитателе зала номер 13. Но, услышав следующее требование посетителя, заподозрил, что тайна, скрытая за несколькими сантиметрами стали, касается отнюдь не только личности покойного.

– Откройте, хочу на него взглянуть.

AHF-93-K999. Так его звали долгие годы. Но этой ночью все, возможно, изменится. Страж мертвых повернул задвижку и потянул на себя отсек.

Похоже, «спящий» вот-вот пробудится.

Мила

ПРОТОКОЛ 397-Н / 5

Расшифровка записи телефонного разговора

21 сентября

Время: 6:40

Звонок произведен на номер экстренной службы

Оператор: Экстренная служба. Откуда вы звоните?

Х:...

Оператор: Сэр, я вас не слышу. Откуда вы звоните?

Х: Я Джес.

Оператор: Вы должны назвать полное имя, сэр.

Х: Джес Белман.

Оператор: Сколько тебе лет, Джес?

Х: Десять.

Оператор: Откуда ты звонишь?

Х: Из дома.

Оператор: Ты можешь назвать мне адрес?

Х:...

Оператор: Джес, пожалуйста, назови мне адрес.

Х: Я живу на

Оператор: Ладно. Что случилось? Ты ведь знаешь, что это номер полиции, правда? Почему ты позвонил?

Х: Знаю. Они умерли.

Оператор: Ты сказал «умерли», Джес?

Х:…

Оператор: Джес, ты на линии? Кто умер?

Х: Да. Все. Умерли все.

Оператор: Ты ведь не шутишь, правда, Джес?

Х: Нет, мэм.

Оператор: Тогда, может, расскажешь, что случилось? Не торопясь, понемногу.

Х: Он пришел вчера вечером. Мы ужинали.

Оператор: Кто пришел?

Х:…

Оператор: Кто, Джес?

Х: Он стрелял.

Оператор: Ладно, Джес. Я хочу тебе помочь, но и ты должен помочь мне сейчас. О’кей?

Х: О’кей.

Оператор: Ты говоришь, что во время ужина какой-то мужчина вошел в дом и начал стрелять?

Х: Да.

Оператор: Потом ушел и в тебя не выстрелил. Ты в порядке, верно?

Х: Нет.

Оператор: Ты хочешь сказать, что ты ранен, Джес?

Х: Нет. Он не ушел.

Оператор: Мужчина, который стрелял, все еще там?

Х:...

Оператор: Джес, пожалуйста, ответь мне.

Х: Он говорит, что вы должны приехать. Должны приехать немедленно.

Связь прервалась. Конец записи.

1

За несколько минут до шести утра движение на улице оживилось.

Работники муниципальной службы по уборке города собирали в грузовики мусор из контейнеров, которые выстроились перед коттеджами, словно солдаты на посту. Потом проехала машина, которая чистит асфальт крутящимися щетками. Сразу после подоспели фургончики с озеленителями. Английские газоны и дорожки были очищены от опавших листьев и сорняков, живые изгороди подстрижены. Закончив работу, люди ушли, оставив за собой упорядоченный

мир и ненарушимый покой.

Счастливое место готово предстать перед глазами своих счастливых обитателей, подумала Мила.

Ночь прошла спокойно, как и все ночи в таких кварталах. Часам к семи дома начали пробуждаться, не спеша, с ленцой. За окнами отцы, матери и дети поднимали веселую возню, предвкушая новый день, полный радостных забот.

Еще один день счастливой жизни.

Глядя на все это из своего «хендая», припаркованного в начале квартала, Мила вовсе не завидовала, поскольку знала: стоит слегка поскрести позолоту, и обнаружится нечто совсем другое. Иногда – истинная картина, сотканная из света и тени, как тому и следует быть. Но иногда – черная дыра. Тогда зловонное дыхание голодной бездны обволакивает тебя, и тебе кажется, будто оттуда, из глубины, кто-то шепчет твое имя.

Миле Васкес был хорошо знаком этот зов темноты. Она танцевала с тенями с самого дня своего рождения.

Она похрустела пальцами, особенно напирая на указательный на левой руке. Боль помогала сосредоточиться. Еще немного, и двери коттеджей начали открываться. Семьи покидали свои жилища, чтобы ответить на вызов окружающего мира, – для таких, как они, ответ на вызов дается слишком просто, подумала Мила.

Она увидела, как Коннеры выходят из дому. Отец, адвокат Коннер, сорока лет, подтянутый, в безупречном сером костюме; легкая седина только подчеркивает загар на лице. Мать – блондинка, фигура и лицо девушки, чуть-чуть постаревшей. Время всегда будет милостиво к ней, в этом Мила была уверена. Следом – девочки. Старшая ходит в школу. Младшая – каскад кудряшек – еще в детский сад. Обе – живые портреты своих родителей. Любые сомнения в правильности теории эволюции Мила рассеяла бы, указав на семью Коннер. Красивые, совершенные во всем, они могли обитать только в таком счастливом месте.

Поцеловав жену и дочек, адвокат сел в синюю «Ауди-А6» и отправился вершить свою блестящую карьеру. Женщина на зеленом «ниссане» повезла девочек в школу и в садик. Тут Мила и вылезла из своей видавшей виды машины, чтобы вторгнуться в особняк – и в жизнь – Коннеров. Несмотря на жару, она выбрала для маскировки спортивный костюм для пробежек. Лето кончилось только вчера, но, если бы она надела майку и шорты, шрамы привлекли бы гораздо больше внимания. Согласно расчетам, сделанным на основании наблюдений в предыдущие дни слежки, минут через сорок миссис Коннер должна была вернуться домой.

Сорок минут, чтобы проверить, не завелось ли привидение в этом счастливом жилище.

Коннеры попали в поле зрения Милы несколько недель назад. Все началось случайно.

Полицейские, работающие над делами о пропавших без вести людях, не могут сидеть за письменным столом и ждать, когда поступит заявление, ведь порой у исчезнувшего нет семьи, которая может такое заявление подать. Он иностранец или обрубил все связи, или попросту у него никого в целом мире нет.

Таких Мила называла «потенциальными жертвами».

Люди, живущие в окружении пустоты и даже не представляющие, что в один прекрасный день эта пустота их поглотит. Поэтому нужно вначале искать казус, а уж потом пропавшего человека. Мила разъезжала по городу, посещала места отчаяния, где тень впивается в каждый твой шаг и никогда не оставляет в покое. Но случалось, люди исчезали даже в любящих семьях, в атмосфере здоровой и безопасной.

Чаще всего дети.

Могло случиться – и, к сожалению, случалось, – что родители, погруженные в свой налаженный быт, не замечали каких-то мелких, но существенных перемен. Бывало так, что кто-то вне дома сближался с их детьми без ведома родных. Дети испытывают чувство вины, когда взрослые им оказывают знаки внимания, тут вступает в силу неразрешимое противоречие между двумя правилами, которые

внушают им папа и мама: трудно, в самом деле, выбрать, как поступить, если, с одной стороны, ты не должен грубить старшим, а с другой – не разговаривать с посторонними. Как бы ты себя ни повел, о чем-то все равно придется умолчать. Мила, однако, обнаружила: существует отличный источник сведений о том, что происходит в жизни ребенка.

Поэтому каждый месяц она посещала какую-нибудь школу или детский сад.

Просила позволения пройтись по классам, когда малышей там не было. Рассматривала развешенные по стенам рисунки. Эти фантастические миры часто служили лишь маской для реальной жизни. Но главное – они вбирали весь комплекс тайных, часто бессознательных эмоций, какие ребенок впитывает словно губка и так же легко изливает. Миле нравилось ходить по школам. Особенно нравились запахи: восковые мелки и канцелярский клей, новые книги и жевательная резинка. Все это навевало какой-то таинственный покой, создавало впечатление, что здесь никогда не случается ничего дурного.

Потому что для взрослого самыми надежными кажутся места, где находятся дети.

В ходе одного из таких исследований среди десятков детских работ на стене Мила обнаружила рисунок младшей дочери Коннеров. Этот детский сад она выбрала случайно в начале учебного года и бродила по комнатам в час отдыха, когда дети резвились во дворе. Замкнулась в их крохотном мирке, наслаждаясь веселым гомоном.

На рисунке маленькой Коннер ее поразило изображенное там счастливое семейство. Сама малышка, мама, папа и сестренка на лужайке перед домом. Погожий день, солнышко смеется. Все четверо держатся за руки. Но чуть поодаль от основной группы обозначился некий диссонанс. Пятая персона. Эта фигура сразу вызвала у Милы странное беспокойство. Она как будто парила над землей, и у нее не было лица.

Привидение, мелькнула у нее мысль.

Она уже собиралась двигаться дальше, но все-таки поискала на стене другие рисунки девочки и обнаружила, что там неизменно присутствует темный силуэт.

Такая повторяющаяся деталь вряд ли могла быть случайной. Чутье подсказывало, что следует копнуть поглубже.

Мила переговорила с воспитательницей, та оказалась очень любезной и подтвердила, что история с привидениями длится уже довольно давно. Она по опыту знает, объясняла воспитательница, что волноваться не из-за чего: такое обычно бывает сразу после смерти родственника или знакомого, таким образом малыши приобщаются к трауру. Для очистки совести воспитательница расспросила миссис Коннер. Хотя в семье в последнее время никто не умирал, младшей дочери недавно приснился страшный сон. Это могло стать причиной.

Но Мила, изучая детскую психологию, усвоила, что дети придают реальным людям черты фантастических персонажей, причем герои эти не всегда отрицательные. Так, чужой дядя может превратиться в вампира, а может – в симпатичного клоуна или даже в Спайдермена. И все же всегда присутствует деталь, разоблачающая двойника, переводящая его снова в реальный, человеческий план. На памяти было дело Саманты Эрнандес, которая изображала седобородого старика, который каждый день подходил к ней в парке, как Санта-Клауса. Только вот на рисунке, как и в действительности, у него была татуировка на предплечье. Но никто не обратил на это внимания. И подонку, который похитил и убил девочку, было достаточно пообещать ей подарок.

В случае малышки Коннер разоблачающей деталью было неизменное присутствие призрака.

Мила всерьез полагала, что девочка чем-то напугана. Нужно было выяснить, в самом ли деле чье-то присутствие реально, а главное, безобидно.

Как всегда, Мила решила не ставить родителей в известность. Не стоит из-за смутного подозрения поднимать переполох и вселять беспочвенные подозрения. Она начала наблюдать за маленькой Коннер, чтобы выявить людей, с которыми девочка общалась вне дома или в те недолгие промежутки времени, когда родные не присматривали за ней, то есть когда она находилась в детском саду или на занятиях танцами.

Никто из посторонних не проявлял к девочке особого интереса.

Подозрения оказались безосновательными. Такое случалось не раз, но Миле не жаль было долгих дней напрасного труда, чувство облегчения служило ей наградой.

Но ради очистки совести она все-таки решила посетить также и школу, где училась старшая дочь Коннеров. В ее рисунках не нашлось никаких двусмысленных деталей. Но аномалия таилась в домашнем задании: учительница велела детям выбрать и записать какую-нибудь сказку.

Девочка выбрала страшную историю с привидением.

Возможно, старшая сестра повлияла на младшую, напугала ее своими фантазиями. Или это окончательно доказывало, что речь идет не о воображаемом персонаже. Может быть, то, что Мила не обнаружила постороннего, внушающего подозрение, означало угрозу гораздо более близкую, чем можно было предположить.

Не посторонний, а кто-то из домашних.

Поэтому Мила решила устроить слежку за домом Коннеров. И взяла на себя другую роль.

Вместо розыска детей занялась охотой за привидениями.

Незадолго до восьми утра Мила надела наушники плеера – невключенного – и, притворяясь, будто совершает утреннюю пробежку, быстро преодолела квартал, отделявший ее от особняка Коннеров. Подбежав к самому дому, свернула направо, к задней двери. Подергала ее, проверила окна. Все заперто. Если бы она вошла в открытую дверь или залезла в незапертое окно и кто-нибудь застиг бы ее на месте, можно было бы оправдаться тем, что ей показалось, будто в доме грабители. Это не уберегло бы ее от обвинения в нарушении неприкосновенности жилища, но было больше шансов легко отделаться. А вот взломать замок означало подвергнуть себя бесполезному, а главное, глупому риску.

Мила еще раз продумала доводы, приведшие ее сюда. Чутье объяснить нельзя, все полицейские хорошо это знают. Но Милу в таких случаях всегда охватывал неудержимый порыв, побуждающий переступить черту. К тому же она ведь не могла постучаться в дверь Коннеров и сказать: «Привет, что-то мне подсказывает, что ваши дочери в опасности, им угрожает привидение, которое может оказаться человеком из плоти и крови». И, как часто случалось, тревожное ощущение возобладало над здравым смыслом: Мила вернулась к задней двери и вскрыла ее.

Створка тут же стукнулась о встроенный в стену кондиционер. На кухонном столе все еще стояли тарелки, оставшиеся от завтрака, к холодильнику были прикреплены фотографии, сделанные на каникулах, и домашние работы, на которых красовались отличные оценки.

Мила достала из кармана спортивной куртки черный пластиковый футляр. Там лежала камера видеонаблюдения величиной с пуговицу. Благодаря системе беспроводной связи и Интернету можно было на расстоянии следить за тем, что происходит в доме. Оставалось найти самое подходящее место, где поставить ее. Мила взглянула на часы и пошла осматривать другие комнаты. Времени немного, значит следует сосредоточиться на тех, где семья проводит большую часть времени.

В гостиной, кроме диванов и телевизора, был книжный шкаф, занимавший целую стену. Но на полках вместо книг красовались дипломы и почетные грамоты, которые адвокат Коннер получил за успехи в своей профессии или в результате общественной деятельности. Образцовый, всеми уважаемый гражданин. Но на самом видном месте стоял кубок, который получила старшая дочь за победу в беге на коньках. Неплохая идея – разделить пространство, предназначенное для знаков почета, с другим членом семьи, подумала Мила.

Фотография на камине являла миру Коннеров, улыбающихся, пребывающих в полной гармонии, одетых в уютные красные свитеры, у всех одинаковые. Вероятнее всего, это семейный ритуал, который соблюдается каждое Рождество. Мила никогда не смогла бы позировать для такого семейного портрета, ее жизнь была слишком другой. Она сама была слишком другой. Глядеть на эту идиллию вдруг стало невыносимо, и Мила поспешно отвела взгляд.

Она решила по-быстрому осмотреть верхний этаж.

В спальнях неприбранные постели ожидали возвращения миссис Коннер, которая оставила карьеру, чтобы посвятить себя заботам о доме и дочерях. В комнаты девочек Мила едва заглянула. В спальне родителей шкаф был открыт. Мила задержалась перед ним, рассматривая наряды миссис Коннер. Любопытно, как живет эта счастливая мать. В самой Миле имелось что-то вроде антитела, отторгавшего всякие чувства, так что судить о том, что испытывает любящая женщина, она не могла. Вообразить – это пожалуйста.

Муж, две дочери, уютное, безопасное гнездышко.

На мгновение забыв о цели досмотра, Мила подметила, что некоторые из платьев, висящих на плечиках, слишком большого размера. Даже самые красивые женщины могут располнеть, посочувствовала она. С ней такого не случится, она худющая. Во всяком случае, судя по широким платьям, под которыми скрывались лишние килограммы, женушке Коннер было ох как нелегко восстановить идеальную фигуру. Мила вдруг осознала, чем она занята. Совсем распустилась. Вместо того чтобы выявить опасность, сама становится опасной для этой семьи.

Посторонняя, которая вторглась в их жизненное пространство.

К тому же потеряла ощущение времени, и миссис Коннер, наверное, уже едет домой. И Мила решила без долгих раздумий, что идеальным местом для камеры будет гостиная.

Самым подходящим ей показался шкаф с семейными трофеями. Двусторонним скотчем прикрепила приборчик так, чтобы никто не заметил его среди всякой всячины. Пока она этим занималась, в поле ее зрения, справа, на высоте камина, попало красное пятно, яркое, бликующее.

Прервав свое занятие, Мила обернулась и снова уставилась на фотографию семейства в рождественских свитерах, которой прежде из-за нелепой зависти пренебрегла. Но стоило пристальнее взглянуть, как идиллическая картинка дала трещины. В частности, в глазах миссис Коннер стояла великая тишь, словно то были окна заброшенного дома. Адвокат Коннер казался сияющим, но явно прилагал к тому усилия и обнимал жену и дочек скорее не для того, чтобы защитить, а для того, чтобы показать свою власть. Что-то еще было на изображении, но Миле никак не удавалось это уловить. В поддельном счастье,

окружавшем Коннеров, было что-то не так. И тут она увидела.

Девочки оказались правы. Призрак жил среди них.

В глубине фотографии, на месте книжного шкафа, полного трофеев, открывалась дверь.

2

Где обычно прячется привидение?

В темном месте, куда редко заходят. На чердаке. Или, как в данном случае, в кладовке. Мне выпала неблагодарная задача вызвать его, подумала Мила.

Она опустила взгляд и только теперь заметила царапины на паркете – знак того, что мебель часто сдвигали. Она взялась за край книжного шкафа, чуть подтолкнула и разглядела дверь. Просунула пальцы в зазор, потянула. Реликвии на полках задребезжали, шкаф накренился под опасным углом, но в конце концов Миле удалось пролезть.

Она распахнула створку двери, и дневной свет тотчас же проник в застенок. Но у Милы сложилось впечатление, будто скопившаяся внутри тьма бросилась на нее. Дверь была обита звуконепроницаемым материалом, чтобы не пропускать шум извне или чтобы держать звуки в заточении.

Прямо под ней лестница, заключенная между двумя голыми бетонными стенами, вела в подвал.

Мила нащупала фонарик в кармане спортивной куртки и начала спускаться.

Она была настороже, мускулы напряжены до предела. Чуть ниже лестница сворачивала направо, где, вероятнее всего, и располагалась кладовка. Спустившись, Мила очутилась в просторном помещении, погруженном в темноту. Задвигала фонариком, пытаясь что-то разглядеть. Луч высветил предметы, каких здесь, внизу, не должно было быть. Пеленальный столик, кроватка и детский манеж. Из последнего доносились размеренные звуки.

Живое дыхание.

Мила подошла медленно, тихими шагами, чтобы не разбудить заснувшую девочку. Она была завернута в простыню – как и полагается привидению – и лежала к Миле спиной. Одна ножка выпросталась. Худая: все признаки недостаточного питания. Отсутствие света также не способствовало развитию. Кожа бледная. Ребенку на вид год с небольшим.

Мила должна была к ней прикоснуться, убедиться, что она настоящая.

Существовала связь между тем, что предстало перед ее глазами, и перееданием госпожи Коннер с ее принужденной улыбкой. Эта женщина не растолстела. Она забеременела.

Сверточек зашевелился, луч фонарика разбудил крошку. Девочка повернулась к Миле, сжимая в руках тряпичную куклу. Мила ожидала, что малышка расплачется. Но та всего лишь стала ее разглядывать. Потом улыбнулась ей.

У привидения были огромные глаза.

Девочка потянулась к Миле, хотела, чтобы ее взяли на ручки. Мила исполнила ее желание. Малышка крепко, изо всех сил, обняла ее за шею. Чувствовала, наверное, что Мила пришла ее спасти. Мила заметила, что, несмотря на истощение, девочка чистенькая. Такая забота говорила о противоречии между ненавистью и любовью – добром и злом.

– Она любит, когда ее берут на ручки.

Девочка узнала голос и, довольная, захлопала в ладошки. Мила обернулась. У подножия лестницы стояла госпожа Коннер.

– Он не такой, как другие. Он хочет все держать под контролем, а я не должна обманывать его ожиданий. И он, когда обнаружил, что я беременна, потерял голову. – Женщина говорила о муже, не называя его по имени. – Он даже не спросил, кто отец. Наша жизнь должна быть безупречной, а я разрушила его проект. Вот что взбесило его, а отнюдь не измена.

Мила смотрела на нее, не двигаясь с места, не произнося ни слова. Не знала, что и думать. Похоже, женщина не разозлилась и не удивилась, застав постороннюю в доме. Как будто давно уже этого ждала. Наверное, и сама хотела освободиться.

– Я умоляла его позволить мне сделать аборт, но он не захотел. Заставил меня скрывать от всех беременность, и девять месяцев я верила, что он в самом деле хочет сохранить девочку. Но однажды он повел меня вниз и показал, как переоборудовал помещение, и тогда я поняла. Ему было недостаточно выказать презрение. Он хотел меня наказать.

Мила ощутила, как ярость подступает к горлу.

– Он принудил меня родить в кладовке и бросить ребенка здесь. Я до сих пор твержу ему, что мы могли бы оставить девочку рядом с отделением полиции или больницей. Никто бы никогда не узнал – но он мне даже не отвечает.

Девочка улыбалась на руках у Милы, и ничто, казалось, не волновало ее.

– Время от времени, по ночам, когда его нет дома, я отношу ее наверх и показываю сестренок, пока те спят. Скорее всего, они замечали нас, но думали, что это им снится.

В кошмарном сне, добавила про себя Мила, вспомнив о привидении на рисунках и в сказке. Она решила, что выслушала достаточно. Повернулась к манежику, чтобы забрать тряпичную куклу и поскорее подняться наверх.

– Ее зовут На, – проговорила женщина. – То есть она ее так зовет. – Помолчав, добавила: – Что я была бы за мать, если бы не знала, как зовут любимую куклу моей дочери?..

А дочь свою ты как-нибудь назвала? Мила была в ярости, но спрашивать не стала. Мир за стенами дома ничего не знал об этой малышке. Мила могла себе представить, чем бы все кончилось, не приди она сюда.

Никто не ищет девочку, которой не существует.

Женщина, прочтя в ее взгляде отвращение, возмутилась:

– Знаю, о чем вы думаете, но мы не убийцы. Мы не лишили бы ее жизни.

– Верно, – согласилась Мила. – Вы просто подождали бы, пока она умрет.

3

Что я была бы за мать, если бы не знала, как зовут любимую куклу моей дочери?

Она ехала на машине и всю дорогу без конца повторяла этот вопрос. Ответ всегда был один и тот же.

Я ничем не лучше.

Всякий раз, осознавая это, она все бередила и бередила одну и ту же рану.

Без двадцати двенадцать она переступила порог Лимба.

Так в Управлении федеральной полиции называли отдел по розыску без вести пропавших. Он был расположен на цокольном этаже западного крыла, в самой отдаленной его части. Прозвание подразумевало также, что в этом месте уже никого ничто не волнует.

Ее встретил непрекращающийся рокот старого кондиционера вкупе с застарелым запахом табака – наследием тех далеких времен, когда можно было курить в кабинетах; из подвала к тому же тянуло сыростью.

Лимб состоял из нескольких комнат плюс внизу старый архив бумажных документов и склад вещественных доказательств. Кабинетов было три, в каждом по четыре стола, кроме того, что предназначался для начальника отдела. Но самое обширное помещение располагалось сразу за входом.

Зал Затерянных Шагов.

Здесь пресекались пути многих. Любой, входя сюда, замечал три вещи. Первая – пустота: мебели не было, и эхо свободно гуляло по залу, отдаваясь от стены к стене. Второе – ощущение замкнутого пространства: несмотря на высокий потолок, угнетало отсутствие окон, зал освещался одним только серым неоновым светом. Третьим, что каждый замечал неизменно, были сотни глаз.

Стены сплошным ковром покрывали фотографии без вести пропавших.

Мужчины, женщины. Молодые, старые. И дети: они сразу бросались в глаза. Мила долго раздумывала почему. Потом поняла. Дети выделялись из общей массы, поскольку их присутствие здесь вызывало тягостное чувство несправедливости. Ребенок не может исчезнуть добровольно, стало быть, само собой разумеется, что рука взрослого схватила его и уволокла в иное, невидимое измерение. Но в этом зале не наблюдалось особого отношения к ним, детские лица были выставлены среди прочих, в строго хронологическом порядке.

Все обитатели стен молчания были равны между собой. Никаких различий: ни расовых, ни религиозных, ни по признаку пола, ни по возрасту. Фотографии, запечатлевшие любого из них, были попросту самым близким по времени доказательством присутствия пропавшего человека в этой жизни. Это мог быть снимок на дне рождения, перед тортом со свечами, или фотограмма, извлеченная из записи на камеру слежения. Человек мог беззаботно улыбаться или даже не знать, что попал в кадр. Главное – никто из них не подозревал, что позирует для последней фотографии.

С того момента мир двигался дальше уже без них. Но их не оставили за бортом, в Лимбе никто ни о ком не забывал.

– Это не люди, – твердил Стеф, начальник Милы. – Это – поле нашей деятельности. Если ты думаешь иначе, долго здесь не продержишься. Я держусь уже двадцать лет.

Но у нее не получалось относиться к этим людям как к «полю деятельности». В других отделах Управления было в ходу иное название: «потерпевшие». Обобщенный термин, означающий только то, что человек пострадал от какого-либо преступления. И все же коллеги Милы, не работающие в Лимбе, даже не догадывались, как им повезло, что в запасе у них имеется хотя бы это слово.

В случае с пропавшими без вести невозможно сразу определить, является ли тот, кто пропал, потерпевшим, или же он сам решил исчезнуть.

Работающий в Лимбе на самом деле не знает, что он расследует: похищение, или убийство, или добровольный уход. Ему не светит награда в виде торжества справедливости. Его не согревает мысль, что рано или поздно удастся поймать злодея. Работающий в Лимбе должен довольствоваться тем, что, возможно, узнает правду. И впрямь, неведение может обернуться наваждением не только для тех, кто там, снаружи, любил пропавшего и хочет знать во что бы то ни стало, что с ним случилось.

Мила хорошо усвоила урок. В первые четыре года, проведенные ею здесь, рядом работал коллега, Эрик Винченти, спокойный, вежливый, который однажды признался, что девушки всегда бросают его по одной и той же причине. Пригласив какую-нибудь поужинать или выпить, он оглядывал всех, кто сидел за столиками или проходил к стойке бара. «Девушка говорила, а я все время отвлекался. Пытался слушать, но у меня не получалось. Одна так и сказала: перестань глазеть на других, когда я с тобой».

Мила помнила, как Эрик Винченти слегка улыбался, рассказывая об этом. Помнила его голос, хрипловатый, негромкий, его манеру кивать. Будто он уже смирился с происходящим и передает случившееся с ним как забавный анекдот. Но в конце изрек совершенно серьезно:

– Я ищу их везде. Ищу всегда.

От этих слов она вдруг похолодела, и холод больше не отпускал ее.

Эрик Винченти пропал однажды в воскресенье, в марте. В его однокомнатной квартире постель была застелена, ключи лежали на тумбочке в прихожей, одежда висела в шкафу. На единственной фотографии, которую они нашли, Эрик был изображен улыбающимся, в компании старых друзей, в тот момент, когда с гордостью показывал только что выловленную зубатку. Его лицо обрело место среди других, на восточной стене.

– Не выдержал, – изрек Стеф свой приговор.

Его захватила тьма, подумала Мила.

Идя к своему столу, она взглянула на стол Эрика Винченти, на котором за два года, прошедшие со дня его исчезновения, никто ничего не тронул. Последний след его существования.

Итак, на службе Лимба их осталось только двое.

В других отделах Управления полицейских было так много, что им приходилось работать в тесноте, да к тому же начальники постоянно требовали результатов. Зато у них с капитаном Стефом места осталось немерено, они никому не должны были давать отчет в своей деятельности, которая не гарантировала сиюминутных успехов. Тем не менее ни один полицейский с толикой амбиций не хотел бы работать здесь – надежды на быстрый карьерный рост быстро тают, когда нераскрытые дела взирают на тебя со стены.

Зато Мила нарочно выбрала такую должность, когда семь лет назад ей предложили повышение за раскрытие самого громкого дела последних лет. Высшее начальство недоумевало, большинство не видело никакого смысла в том, чтобы похоронить себя в этакой дыре. Но Мила не передумала.

Сняв спортивный костюм, который утром ей служил прикрытием, она переоделась в обычную одежду – простую футболку с длинными рукавами, темные джинсы и кроссовки – и собралась сесть за компьютер, чтобы составить рапорт о том, что обнаружилось в доме Коннеров. Девочку-привидение, которой никто не озаботился дать имя, препоручили социальным службам. Две женщины-психолога в патрульной машине отправились за сестренками в школу и в детский сад. Госпожу Коннер арестовали, и, насколько было известно Миле, мужу грозила та же участь, как только его найдут на рабочем месте.

Пока она ждала, когда старый компьютер запустится, вернулся голос, который преследовал ее все утро.

Я ничем не лучше.

Тут она взглянула на дверь в кабинет Стефа. Начальник затворил ее, хотя обычно всегда держал открытой. Пока Мила гадала, в чем дело, капитан заглянул в ее кабинет.

– А, ты здесь, – проговорил он. – Зайди, пожалуйста.

Тон был ровный, но от Милы не укрылось некоторое напряжение. Стеф исчез прежде, чем она могла о чем-то спросить, но оставил дверь приоткрытой. Мила встала и послушно направилась, куда ей велели. Подойдя ближе, расслышала обрывки разговора. Два разных голоса.

Никто не спускался в Лимб.

Но, по всей вероятности, у Стефа был собеседник.

4

Кто-то мог забрести сюда только по особой причине.

Коллеги с верхних этажей сторонились Лимба, будто на нем лежало проклятие или он приносил несчастье. Высшие чины не занимались им. Предпочитали забыть, словно об укорах нечистой совести. Или боялись, что и их всосут в себя стены Зала Затерянных Шагов и они тоже застрянут в этом существовании, на полдороге между жизнью и смертью.

Когда Мила переступила порог, Стеф уже сидел за столом. Напротив него расположился мужчина, на чьих могучих плечах едва не лопался пиджак от коричневого костюма. Несмотря на набранные лишние килограммы, залысины и галстук, который не добавлял ему элегантности, а скорее удушал, Мила сразу узнала добродушную улыбку Клауса Бориса.

Он встал и пошел ей навстречу:

– Как ты, Васкес? – Борис хотел было обнять ее, но вдруг вспомнил, что Мила не любит, когда к ней прикасаются, и застыл в неловкой позе.

– Я – хорошо, а ты совсем отощал, – пошутила она, чтобы сгладить неловкость.

Борис звонко расхохотался:

– Чего ты хочешь, я – человек действия. – Он похлопал себя по выпирающему животу.

Он уже не тот, что прежде, старина Борис, подумала Мила. Женился, обзавелся парой детишек, дослужился до инспектора, то есть теперь он по званию выше ее. Нет, конечно, это явно не визит вежливости.

– Судья тебя поздравляет с сегодняшней находкой.

И Судья вдобавок, подумала Мила. Раз начальник Управления интересуется полицейским из Лимба, за этим что-то кроется. Разговор обычно бывал короткий: если выяснялось, что исчезновение связано с убийством, дело автоматически передавалось в убойный отдел, ему же приписывались и все заслуги в случае раскрытия преступления.

Сотрудникам Лимба медалей не причиталось.

Дело Коннеров пошло по той же дорожке. Зато наверху посмотрели сквозь пальцы на несколько неортодоксальные методы, к каким прибегла Мила. В отделе предотвращения преступлений были счастливы взять на себя руководство расследованием. В конце концов, это ведь было не что иное, как похищение человека.

– Судья тебя послала, чтобы ты мне это передал? Могла бы позвонить.

Борис снова рассмеялся, на этот раз принужденно:

– Почему бы нам не устроиться поудобнее…

Мила бросила взгляд на Стефа, желая понять, что происходит, но капитан отвел глаза. Говорить надлежало не ему. Борис снова уселся, указав Миле на стул перед собой. Но Мила садиться не стала, а вернулась к двери и закрыла ее.

– Давай, Борис, выкладывай, что стряслось, – сказала она, не поворачиваясь. Обернувшись, увидела, что на лбу у Бориса обозначилась морщина. И свет в кабинете тотчас же едва заметно поблек. Все, приехали, церемонии позади, сказала себе Мила.

– То, что я вам сейчас сообщу, строго конфиденциально. Мы стараемся не допустить прессу.

– С чем связаны такие предосторожности? – проворчал Стеф.

– Судья задала режим строжайшей тайны, все, посвященные в подробности дела, будут взяты на учет, чтобы в случае утечки информации определить возможный источник.

Это не просто рекомендация, а скрытая угроза.

– Вы хотите сказать, что с этого момента мы двое тоже в списке, – подытожил капитан. – Так можно ли наконец узнать, в чем дело?

Помедлив секунду, Борис заговорил:

– Этим утром, в шесть часов сорок минут, в полицейский участок, расположенный за городом, поступил звонок.

– Где именно за городом? – спросила Мила.

Борис поднял руки:

– Погоди, не все сразу.

Мила подошла, уселась напротив него.

Борис обхватил руками колени: было видно, что ему тяжело рассказывать.

– Мальчик десяти лет, Джес Белман, сообщил, что кто-то ворвался к ним в дом во время ужина и начал стрелять. И что все умерли.

Миле показалось, что лампы в кабинете потускнели еще больше, будто понизилось напряжение в сети.

– По названному адресу расположен домик в горах, в пятнадцати километрах от ближайшего жилья. Он принадлежит некоему Томасу Белману, основателю и президенту одноименной фармацевтической компании.

– Знаю такую, – вмешался Стеф. – Она выпускает мои таблетки от давления.

– Джес – младший. У Белманов было еще двое детей, сын и дочка, Крис и Лиза.

Осторожно, глагол в прошедшем времени: где-то в глубине сознания засветился тревожный красный огонек. Засим последует самая скорбная часть рассказа.

– Шестнадцати и девятнадцати лет, – уточнил Борис. – Жену Белмана звали Синтия, ей было сорок семь. Когда агенты из местного участка приехали по вызову… – Борис умолк, его глаза потемнели от гнева. – Ладно, хватит ходить вокруг да около… Мальчик сказал правду: все они собрались в горном домике тем вечером. Произошла настоящая бойня. Все мертвы. Кроме Джеса.

– Почему? – Мила сама удивилась, что задает такой бессердечный вопрос.

– Мы считаем, что убийца имел зуб на главу семьи.

– Что заставляет вас так думать? – нахмурился Стеф.

– Он был убит последним.

Очевидный выбор садиста. Томас Белман должен был сознавать, что его близкие умирают, и страдать еще больше.

– Младший сынишка сбежал или ему удалось спрятаться? – Мила старалась казаться спокойной, но краткий отчет о происшествии потряс ее.

Губы Бориса искривила горькая усмешка, он как будто не верил в то, что говорит.

– Убийца пощадил мальчика, чтобы тот позвонил в полицию и рассказал, что произошло.

– Ты хочешь сказать, что ублюдок присутствовал при телефонном разговоре? – поразился Стеф.

– Он хотел быть уверен.

Крайняя степень насилия и самореклама, подумала Мила. Поведение, типичное для особого разряда убийц, mass murderer[1 - Массовый убийца (англ.).].

Эти более непредсказуемы и летальны, чем серийные, хотя и публика, и СМИ часто путают их. «Серийники» совершают убийства через более или менее длительные интервалы, «массовик» весь сосредоточен на одной-единственной, хладнокровно задуманной, тщательно подготовленной бойне. В данную категорию входит парень, уволенный с работы, который возвращается в офис и убивает своих коллег, или ученик, который является в лицей с боевой винтовкой и расстреливает преподавателей и одноклассников, словно в видеоигре.

Их мотив – обида, злость. На правительство, на общество, на существующую власть или на весь человеческий род.

Существенное различие между серийными и массовыми убийцами в том, что первых, если повезет, можно остановить – надеть наручники, с наслаждением заглянуть в глаза, прямо в лицо отчеканить: «Все, тебе конец»; в то время как вторые останавливаются сами, достигнув идеального итога в тайном подсчете мертвецов. Себе они предназначают последний выстрел, отпускающий на волю, почти безболезненный, из того же оружия, какое использовалось для бойни. Или осознанно подставляют грудь под пули полицейских, бросая последний вызов. Но у блюстителей закона всегда остается тягостное ощущение, что они не поспели вовремя, ведь убийца уже достиг своей цели.

Захватить с собой в ад как можно больше жизней.

Если не остается виновного, которого можно задержать и осудить, жертвы вместе с ним пропадают в забвении, оставляя лишь бессильный гнев неосуществленного возмездия. Таким образом, сотворивший резню отнимает у полиции последнее утешение: сделать что-то доброе для погибших.

Но здесь не тот случай, спохватилась Мила. Если бы эпилогом рассказу послужило самоубийство злодея, Борис не преминул бы об этом сообщить.

– Он на свободе, понимаете? Вооруженный. И может быть, он не довершил начатое.

– Известно, кто этот психопат? – спросил Стеф.

Но Борис ушел от ответа:

– Известно, что он явился из леса и ушел туда же. Известно, что он стрелял из полуавтоматической винтовки «Бушмастер .223» и из револьвера.

Вроде бы все, но у Милы сложилось впечатление, что в рассказе Бориса чего-то не хватает. Что-то он утаил, что-то такое, из-за чего взял на себя труд спуститься в Лимб.

– Судья хочет, чтобы ты поехала и посмотрела.

– Нет.

Отказ вырвался так непроизвольно, что Мила сама удивилась. Как при вспышке, перед ее глазами возникли четыре тела, кровь, разбрызганная по стенам и липкой лужей скопившаяся на полу. И она ощутила запах. Миазмы, шибающие в нос, как будто узнающие тебя и предвещающие со смехом, что и твоя смерть однажды будет так же смердеть.

– Нет, – повторила она с новой решимостью. – Не поеду, не обессудьте.

– Погодите, я не понял, – вмешался Стеф. – Почему должна ехать она? Она не криминолог и не профайлер.

Проигнорировав капитана, Борис вновь обратился к Миле:

– У убийцы есть план, вскоре он снова вступит в игру, погибнут невинные люди. Знаю, что мы слишком многого от тебя требуем.

Вот уже семь лет, как ноги ее не было на сцене преступления. Ты – его. Ты ему принадлежишь. Сама знаешь: то, что ты увидишь…

– Нет, – произнесла Мила в третий раз, чтобы заглушить голос тьмы.

– Я все объясню тебе на месте. Это займет не больше часа, обещаю. Мы подумали, что…

Стеф презрительно расхохотался:

– С первой минуты, как ты вошел ко мне в кабинет, это «мы» не сходит у тебя с языка. Мы решили, мы подумали… Боже правый, все прекрасно знают, что Судья и подумала, и решила, а ты здесь только для того, чтобы передать ее слова. Так что за всем этим стоит?

Гас Стефанопулос – для удобства и краткости все и всегда его называли Стефом – был опытный полицейский, настолько уже близкий к пенсии, что мог наплевать на последствия своих выпадов. Миле он нравился: все время, сколько она его знала, Стеф играл в открытую, не наступал никому на больную мозоль, всегда старался говорить прямо, поступать по справедливости и блюсти честь мундира. Но вдруг, в самый неожиданный момент, давала о себе знать натура старого грека. Мила и раньше видела изумление, теперь написанное на лице Бориса: он, казалось, не верит своим ушам. Стеф, откровенно забавляясь, повернулся к ней:

– Как, по-твоему, мне следует поступить? Дать инспектору пинка под зад и отправить его на верхние этажи?

Мила ему не ответила. Она медленно перевела взгляд на Бориса:

– Сцена преступления у вас отличная, лучше не бывает. Кроме того, у вас есть свидетель, очевидец, сын Белмана, и вы, полагаю, уже составили фоторобот. Может быть, для полной картины вам недостает мотива, но отыскать его не составит труда, в подобных случаях он обычно связан с какой-то давней обидой. Насколько мне известно, там никто не пропал, так каким боком нас, в Лимбе, это касается? Как это касается меня? – Мила помолчала. – Значит, ты здесь потому, что возникла проблема с установлением личности убийцы…

Она прервалась, чтобы все прониклись сказанным. Борис, все время молчавший, даже не шевельнулся.

Стеф подстегнул его:

– Это правда? Вы не можете установить его личность? – Порой случалось, что другие отделы просили, чтобы сотрудники Лимба на основании внешности установили личность: взамен пропавшего человека оставалось имя. – Вот зачем вам понадобилась Мила. Если вы не сумеете выяснить, кто убийца, прежде чем он устроит очередную бойню, можно будет свалить вину на Лимб. Грязная работа – по нашей части, так?

– Ошибаешься, капитан, – нарушил молчание Борис. – Нам известно, кто он.

И Стефа, и Милу ошеломило это утверждение.

– Его зовут Роджер Валин.

При звуках этого имени в голове у Милы беспорядочно замелькали различные сведения. Счетовод. Тридцать лет. Больная мать. Вынужден был ухаживать за ней до самой ее смерти. Ни семьи, ни друзей. Есть хобби – коллекционирует часы. Кроткий. Незаметный. Всем чужой.

Мысленно Мила выбежала из кабинета, пробежала по коридорам Лимба до Зала Затерянных Шагов. Встала перед левой стеной, подняла глаза. Увидела.

Роджер Валин. Впалые щеки, отсутствующий взгляд. Ранняя седина. Единственная фотография, которую удалось отыскать, была на бедже, служившем пропуском в офис: светло-серый костюм, рубашка в тонкую полоску, зеленый галстук.

Необъяснимым образом исчез.

Как-то утром. В октябре. Семнадцать лет назад.

5

Дорога вторила контуру гор.

Машина поднималась все выше и выше, оставляя позади панораму города, сплющенную под тяжелым покровом смога. Потом пейзаж внезапно изменился. Воздух стал чище, в тени высоченных елей легче переносилась затянувшаяся летняя жара.

За окнами автомобиля солнце играло в прятки среди крон, отбрасывая скользящие тени на раскрытую папку, что лежала у Милы на коленях. Вся история Роджера Валина излагалась там. Миле до сих пор не верилось, что грустный бухгалтер с фотографии, висевшей в Лимбе, мог учинить такую жестокую расправу. Как и у других массовых убийц, в его прошлом не отмечалось тяги к насилию. Ярость вспыхнула сразу, вся, сколько ее накопилось, без каких-либо знаков и предвестий. Но именно потому, что у Валина никогда не было проблем с законом, он не числился в базе данных.

Как же удалось выяснить личность преступника?

Когда Мила спросила об этом Бориса, тот всего лишь посоветовал немного потерпеть, мол, скоро она все узнает.

Сейчас инспектор вел «седан» без номерных знаков, и Мила задавалась вопросом, к чему такие меры предосторожности. То, что она воображала себе, пытаясь объяснить действия полиции, только усиливало ее тревогу.

Если причина в самом деле настолько ужасна, лучше ее и не знать.

Семь лет Мила потратила, чтобы пережить случившееся с ней во время расследования дела Подсказчика. Кошмары продолжались, но приходили не по ночам. Во сне все исчезало, а вот при свете солнца ее порой охватывал внезапный страх. Как кошка шестым чувством чует опасность, так и она ощущала чье-то присутствие рядом с собой. Поняв, что ей не отделаться от воспоминаний, Мила пошла на компромисс с собой. План предусматривал ряд соглашений, личную «линию обороны». Мила все хорошо продумала, выработала для себя четкие правила. Первое – самое важное.

Никогда не называть монстра по имени.

Но один из бастионов этим утром вот-вот будет сметен. Она поклялась себе, что больше никогда не взглянет на сцену преступления. Мила боялась того, что

могла испытать, оказавшись лицом к лицу с картиной насилия и крови. То же, что и все, уговаривала она себя. Но темный голос в глубине твердил совсем другое.

Ты – его. Ты ему принадлежишь. Сама знаешь, то, что ты увидишь…

– Почти приехали. – Это Борис обратился к ней, заставив умолкнуть мантру.

Приняв его слова к сведению, Мила кивнула, стараясь скрыть беспокойство. Потом скосила взгляд в окошко, и страх поднялся вверх по шкале еще на одну отметку: двое полицейских у камеры видеонаблюдения контролировали скорость проходящих автомобилей. Чистая мизансцена: истинная цель – не пропустить никого к месту массового расстрела. Когда их машина прошла под камерой, агенты проводили ее взглядом. Через несколько метров Борис свернул.

Автомобиль подпрыгивал на выбоинах узкой грунтовой дороги. Казалось, они едут по туннелю из ветвей, которые вот-вот сомкнутся. Лес придвигался ближе, чтобы одарить беглой лаской; под такой обольстительной оболочкой обычно таится дурное намерение. Но вот за аркой из ветвей открылась залитая солнцем поляна. Вынырнув из тени, они неожиданно очутились перед самым особняком.

То было трехэтажное строение, разбитое на несколько уровней. Классические приметы горного шале: покатая крыша, деревянная облицовка – дополнялись высокой застекленной верандой – последним словом современной архитектуры.

Дом богачей, сразу подумала Мила.

Выйдя из машины, она огляделась. Перед домом стояли четыре «седана» и фургон криминалистической лаборатории, все без номеров. Заметно, что задействованы немалые силы.

Двое агентов ввели Бориса в курс дела. Мила не слышала, о чем они говорили, она поднималась по каменной лестнице, ведущей к входной двери, отстав на несколько шагов.

По пути Борис рассказал, что владелец дома Томас Белман, врач, превратившийся в бизнесмена, основал процветающую фармацевтическую

компанию. Пятьдесят лет, давно женат, трое детей. Страстно увлекался самолетами и мотоциклами прошлых лет. Человеку, которому в жизни всегда везло, выпала скверная смерть: он погиб последним, увидев истребление всей своей семьи.

– Ну же, идем, – подтолкнул ее Борис.

Только теперь Мила отдала себе отчет в том, что застыла на пороге, не в силах сдвинуться с места. В просторной комнате с большим камином в центре сновали по меньшей мере двадцать коллег, и все они как по команде обернулись. Узнали ее. Можно себе представить, о чем они думают. Мила смутилась, неловкая вышла ситуация, но ноги упорно отказывались идти дальше. Она опустила взгляд, рассматривая как будто со стороны ступни, словно принадлежащие кому-то другому. Если я это сделаю, нельзя будет передумать. Если шагну вперед, уже не будет возврата. И вновь зазвучала мантра, вселяющая страх.

Ты – его. Ты ему принадлежишь. Сама знаешь, то, что ты увидишь… понравится тебе, – повторила Мила, мысленно дополняя фразу.

Она наконец шагнула вперед. С левой ноги.

Среди массовых убийц есть разновидность, с представителем которой ни один полицейский не желал бы столкнуться. «Спрей-киллер» совершает целый ряд расправ за очень короткое время. Вероятно, случай Роджера Валина именно таков. Значит, чем больше прошло минут и часов, тем меньше шансов благополучно завершить расследование. Поэтому в особняке явственно ощущались ярость и бессилие. Мила смотрела, как работают коллеги. Это единственное, что можно сделать для мертвых, заруби это себе на носу.

Ненависть, какую Роджер Валин принес в этот дом, оставила по себе темное свечение, невидимую радиацию, влияющую на тех, кто пришел на место бойни.

Полицейские впитывали в себя его злобу и заболевали ею.

То же чувство, по всей вероятности, направляло массового убийцу, питало его паранойю, вложило ему в руки боевое оружие, чтобы автоматная очередь,

размеренная и четкая, заглушила в его голове голоса, которые его преследовали, подталкивая поквитаться за несправедливость, за пережитые унижения.

То, что следовало увидеть, было сосредоточено на верхнем этаже, но, прежде чем допустить туда, Милу заставили надеть бахилы, латексные перчатки и спрятать волосы под шапочку. Мила заметила, что один из коллег передал Борису мобильник.

– Да, приехала, она здесь, – услышала Мила.

Она была готова побиться об заклад на любую сумму, что друг-инспектор говорил с Судьей. На самом деле новый руководитель отдела не имел ничего общего с судебным ведомством и процессами. Прозвище, намекавшее на суровый, неприступный вид, прилипло много лет назад. Вместо того чтобы вызвать обиду, эта насмешливая кличка была воспринята как почетное звание. По мере восхождения Судьи по иерархической лестнице издевка улетучилась, сменившись боязливым почтением. И тот, кто пустил в ход это прозвище, наверное, жил в постоянном страхе, что рано или поздно придется платить по счетам. Но Судья не таила зла на врагов, предпочитая держать их на коротком поводке.

Мила и Судья пересеклись всего единожды, когда четыре года назад инфаркт положил конец пребыванию Теренса Моски на посту начальника Управления. Последовал стремительный визит нового руководителя в Лимб, знакомство с сотрудниками, приветствие, воодушевляющая речь. Далее – ничего. Вплоть до этого утра.

Борис сбросил звонок, привел себя в надлежащий вид и подошел к Миле:

– Готова?

Они втиснулись в кабинку лифта, который ходил между тремя этажами дома, – скорее роскошь, нежели необходимость. Инспектор надел наушники и, ожидая, пока сверху по рации дадут разрешение подняться, снова обратился к Миле:

– Спасибо, что приехала.

Но ей надоели эти ужимки.

– Рассказывай, что произошло вчера вечером.

– Все сидели за столом, около девяти, во всяком случае, как запомнил Джес, наш маленький свидетель. Столовая на втором этаже, одна из дверей ведет на веранду. Валин пришел из леса, поэтому никто не видел, как он поднялся по внешней лестнице. Мальчик говорит, что они заметили, как человек стоит не шевелясь за дверью на веранду, но вначале никто не понял, что он там делает.

Вначале – никакой паники, подумала Мила. Они просто прервали разговор и повернулись к незнакомцу. В опасных ситуациях самая обычная реакция – не страх, а недоумение: люди не верят, что с ними происходит нечто чрезвычайное.

– Тогда Белман встал из-за стола и открыл дверь, выяснить, в чем дело.

– Сам открыл? Разве он не заметил ружья?

– Заметил, конечно, но думал, что держит ситуацию под контролем.

Властный человек, одно слово, раздумывала Мила. Такие уверены, что всегда одержат верх. Томас Белман не мог смириться с тем, что кто-то пытается заставить его играть по своим правилам, тем более в его собственном доме. Особенно если этот кто-то держит в руках полуавтоматическую винтовку «Бушмастер .223». Как истинный делец, он тут же вступил в переговоры, будто мог предложить что-то такое, от чего нельзя отказаться.

Но Роджер Валин на переговоры не пошел.

Тут Мила заметила, как Борис прижимает наушник пальцем. Кажется, их пропускают. И правда, он повернулся к панели и нажал кнопку третьего этажа.

– По телефону мальчик сказал только, что Валин начал стрелять, – продолжал инспектор, пока они поднимались. – В действительности события развивались немного не так. Вначале хозяин и гость немного поспорили, потом убийца запер Джеса в кладовке, а всех прочих загнал наверх.

Между этажами кабина замедлила ход. Эти несколько секунд Мила использовала, чтобы перевести дух.

Начинается, подумала она.

6

Двери лифта растворились.

Бориса и Милу сразу ослепили галогенные лампы, расставленные на штативах по всему коридору: на месте преступления работают при закрытых ставнях или задернутых шторах, ибо при дневном свете эксперты могут чего-то не заметить. Миле было памятно ощущение: будто входишь в ледяную пещеру. Здесь оно еще усиливалось оттого, что кондиционер работал на полную мощность. Тепло сентябрьского утра не должно было проникнуть в помещение, на то существовала особая причина.

Тела все еще здесь, осознала Мила. Близко.

В коридоре и в комнатах хлопотали криминологи, изучая сцену преступления: в своих белых комбинезонах они походили на молчаливых расторопных инопланетян. Мила переступила границу между миром живых и миром мертвых. Двери затворились за ее спиной, и лифт поехал вниз, создавая ощущение, что все пути к отступлению отрезаны.

Борис пошел впереди, показывая дорогу.

– Убийца не расстрелял всех сразу. Он разделил их и уничтожил одного за другим.

Мила насчитала на этаже четыре двери.

– Привет, – поздоровался судмедэксперт Леонард Вросс, которого за восточные черты лица все называли Чаном.

– Здорово, доктор, – отозвался Борис.

– Готовы посетить волшебный мир Роджера Валина? – Эксперт, хотя и шутил не к месту, был надежным, проверенным специалистом. Он протянул коллегам баночку с камфарной мазью, потереть под носом, чтобы перебить смрад. – У нас тут на третьем этаже четыре первичные сцены. Плюс внизу еще одна вторичная. Как видите, полный комплект.

Различие между первичными и вторичными сценами заключалось в способе, каким было совершено преступление. Во вторичных не так четко проявлялась динамика действий, но они могли оказаться важными для определения мотива преступления.

Поскольку Борис не упоминал о вторичных сценах, Мила задумалась, что же такое ждет их на нижнем этаже.

Тем временем судмедэксперт провел их в комнату Криса, шестнадцатилетнего сына Белманов.

Постеры тяжелого рока. Несколько пар кроссовок. Спортивная сумка, брошенная в углу. Компьютер, телевизор с плазменным экраном, игровая приставка. На спинке стула футболка с принтом, чествующим Сатану. Но дьявол на футболке не настоящий. Настоящий явился в эту комнату под видом безобидного бухгалтера.

Баллистик замерял расстояние между вращающимся креслом и трупом, распростертым на простынях, пропитанных кровью.

– На теле жертвы обширное огнестрельное ранение в брюшную полость.

Мила разглядела насквозь промокшую, заскорузлую одежду: парень истек кровью.

– Убийца не стал стрелять в голову или в сердце, – заметила она. – Выстрелил в живот, чтобы продлить агонию.

– Валин хотел насладиться сценой. – Борис указал на стул перед кроватью.

– Но спектакль он поставил не для себя, – поправила его Мила. – Для отца, который из своей комнаты слышал, как сын плачет и кричит.

Она вообразила весь ход бесконечно длящегося страдания. Жертвы заперты, каждая в собственной комнате, превращенной в тюрьму, в месте, с которым связаны самые дорогие воспоминания; они слышат, что происходит с родными людьми, и содрогаются, зная, что скоро наступит и их черед.

– Роджер Валин – поганый садист, – заключил Чан. – Скорее всего, он не спешил, разговаривал с ними, переходил из комнаты в комнату. Наверное, даже позволял им надеяться, что возможно спасение. Если они найдут правильные слова и будут себя хорошо вести, их участь переменится.

– Что-то вроде суда, – вставила Мила.

– Скорее, пытки, – поправил ее Чан.

Выстрел – и Валин идет дальше. Так же поступили и они. Следующая – комната девушки. Лиза, девятнадцать лет. Розовые занавески и обои с лиловыми маргаритками. Хотя Лиза и выросла, она не захотела слишком многое менять в своей комнате. Куклы и плюшевые зверюшки уживались с косметичками и тюбиками губной помады. Школьные похвальные грамоты и фотография из Диснейленда между псом Плуто и Русалочкой соседствовали на стенах с постерами разных рок-групп.

Тело девушки на светлом паласе приняло какую-то странную позу. Перед роковым выстрелом ей удалось разбить окно, она пыталась бежать, но мужества, какое в нее вселило отчаяние, все-таки не хватило, чтобы отважиться на прыжок с четырехметровой высоты. Она отказалась от своего намерения, она тщетно молила о милосердии: тело так и осталось коленопреклоненным.

– Рана в области правого легкого. – Чан показал выходное отверстие на спине.

– Валин не имел при себе холодного оружия, так ведь? – У Милы были особые причины задать этот вопрос.

– Никаких физических контактов, – подтвердил Чан, улавливая ее сомнения. – Он не соприкасался с жертвами, все время сохранял дистанцию.

Речь шла о важной детали. Тот факт, что убийца не хотел пачкать руки в крови, исключал психопатическую составляющую. Миле на ум пришло слово, в совершенстве описывающее то, что произошло в этих стенах.

Казнь.

Они прошли в третью комнату, ванную. Госпожа Белман лежала, привалившись к двери.

Судмедэксперт указал на окно:

– Оно выходит на насыпь. В отличие от других комнат этого этажа, здесь высота до земли – пара метров, не больше. Женщина могла бы выпрыгнуть. Может, сломала бы ногу, а может, и нет, и тогда добралась бы до шоссе, остановила машину и попросила помощи.

Мила, однако, знала, почему госпожа Белман не сделала этого. И то, что труп лежал у двери, было тому доказательством. Она и не отходила отсюда, представляла себе Мила: плакала и умоляла убийцу или звала детей, говорила с ними, чтобы они знали, что мама здесь. Она ни за что бы их не покинула, даже ради того, чтобы попытаться их же спасти. Материнский инстинкт оказался сильней инстинкта самосохранения.

Убийца обошелся с ней безжалостно: несколько раз выстрелил в ноги. И опять из винтовки. Зачем тогда он принес с собой револьвер? Мила не могла этого объяснить.

– Уверен, конец экскурсии не разочарует вас, господа, – заявил Чан. – Ибо самое лучшее Валин приберег напоследок.

7

Супружеская спальня располагалась в конце коридора.

Сейчас ею завладел лучший эксперт-криминалист Управления. Стерильный комбинезон полностью скрывал его, из-под капюшона виднелся только овал лица. Но старика Креппа сразу можно было узнать по пирсингам в носу и над бровью. На Милу всегда производил впечатление этот человек с изысканными манерами, с видом знатока, но весь покрытый татуировками и гвоздиками. Правда, экстравагантность Креппа не уступала его талантам и компетентности.

В комнате все было вверх дном. Очевидно, Томас Белман, пытаясь освободиться, в ярости колотил по двери чем попало.

Труп лежал на кровати, опираясь спиной о мягкое изголовье. Вытаращенные глаза, раскинутые руки: он как будто ждал выстрела, несущего избавление. Входное отверстие располагалось в области сердца.

В комнате, кроме команды экспертов, присутствовал человек в обычной одежде: как Мила и Борис, он надел только бахилы, перчатки и шапочку. Темный костюм, маленькие глазки, орлиный нос. Сунув руки в карманы, он наблюдал за работой криминалистов. Потом обернулся, и Мила его узнала.

Гуревич был в том же звании, что и Борис, но все знали: только он облечен полным доверием Судьи. Гуревича считали серым кардиналом Управления благодаря влиянию, какое инспектор оказывал на его главу. Карьерист, но не коррумпированный. Суровый и безжалостный. Настолько неумолимый, что заслужил репутацию последней сволочи. Немногие его достоинства, доведенные до крайности, обратились в недостатки.

Доктору Чану, похоже, претило само присутствие инспектора, и он распрощался:

– Приятно позабавиться, извините, но мне еще нужно вывозить трупы.

Борис просто проигнорировал Гуревича, получив в ответ то же равнодушие, и обратился к Креппу:

– Ну что, твоя версия подтвердилась?

Эксперт на секунду задумался.

– Я бы сказал, да. Вот, глядите. – Он заметил Милу и, не тратя время на любезности, поднял в знак приветствия бровь.

Мила увидела, что на постели лежит револьвер: странно, почему убийца решил оставить оружие? Или это часть какой-то заранее продуманной мизансцены? Валин хотел, чтобы полиция во всех деталях восстановила то, что произошло в этой комнате.

Крепп положил револьвер в прозрачный пакет, а потом снова поместил туда, где его нашли. Место было помечено табличкой с литерой «А». Другие две таблички отмечали патрон на тумбочке, чудом уцелевшей среди неистовых попыток взломать дверь, и правую руку покойного: пальцы были сложены в знак «виктории».

Крепп покрутился по комнате, дабы удостовериться, что все на месте, и приступил к реконструкции.

– Ладно, – начал он, подтягивая перчатки. – Когда мы пришли, сцена в общих чертах выглядела так. Оружие, «Смит-вессон-686», лежало на кровати. В барабане шесть патронов, двух не хватает. Пуля из одного находится в сердце новопреставленного Томаса Белмана. Второй, нетронутый, лежит на прикроватной тумбочке.

Все повернулись туда, где находился патрон «357 Магнум».

– Так вот, объяснение, на мой взгляд, чрезвычайно простое, – продолжал эксперт. – Валин предоставил хозяину дома шанс. Сыграл в русскую рулетку, только наоборот: вынул из барабана один патрон – тот самый, что на тумбочке, – и велел Белману выбрать число.

Мила вновь посмотрела на правую руку убитого. То, что ей показалось знаком «виктории», на самом деле показывало выбранное жертвой число.

Два.

– У Белмана был один шанс из шести остаться в живых. Ему не повезло, – заключил Крепп.

– Валин желал также испытать волю Белмана: захочет ли он оставаться в живых после гибели всех, кого он любил, – вмешалась Мила, к полному изумлению присутствующих. – Заставить надеяться, что однажды он отомстит извергу, уничтожившему его семью. Но также и осознать шаткость своего положения, между жизнью и смертью. Но это совсем не выявляет мотива…

Тут инспектор Гуревич вышел из угла, где до тех пор стоял, и негромко похлопал в ладоши.

– Хорошо, очень хорошо, – сказал он, подходя ближе. – Рад, что вы смогли приехать, агент Васкес, – добавил Гуревич слащавым тоном.

Кажется, мне ничего другого не оставалось, подумала Мила.

– Это мой долг.

Возможно, Гуревич уловил фальшивую ноту в ее голосе. Он придвинулся совсем близко, так что Мила лучше смогла разглядеть его лицо, на котором выделялся нос, тонкий, словно клинок. Лысеющие виски запали, и костистый лоб стал похож на панцирь.

– Скажите-ка, агент Васкес, в свете того, что вы только что сказали, могли бы вы составить профиль убийцы?

Мила, которая сделала для себя копию досье, чтобы ознакомиться с ним по дороге, решила попытаться:

– Всю жизнь Роджер Валин заботился о больной матери. У него больше не было никого на свете. Женщина страдала редкой дегенеративной патологией и требовала постоянного ухода. Валина приняли бухгалтером в аудиторскую фирму, поэтому днем, пока он был на работе, за матерью смотрела квалифицированная сиделка, и оплата ее услуг почти полностью поглощала его жалованье. Когда опрашивали коллег Валина, никто не смог в точности описать его привычки. Некоторые даже не знали его имени, только фамилию. Валин ни с кем не разговаривал, ни с кем в офисе не поддерживал отношений, его даже нет на фотографиях, сделанных во время рождественских корпоративов.

– Это, сдается мне, портрет совершенного психопата, который всю жизнь копит обиду, а в один прекрасный день приходит в офис с автоматом Калашникова, – заключил Гуревич.

– Думаю, все гораздо сложнее, – возразила Мила.

– Что вас наводит на такие мысли?

– Мы смотрим на жизнь Валина с нашей точки зрения. Но то, что нам кажется жалким прозябанием человека, оказавшегося заложником болезни матери, на самом деле нечто совсем иное.

– И что именно?

– Не сомневаюсь, что вначале такое положение вещей тяготило его, но со временем Роджер Валин преобразил трудности в своего рода миссию. Заботиться о матери, ухаживать за ней стало смыслом его жизни. Иными словами, это и было настоящей его работой. Все остальное – офис, отношения с людьми – его обременяло. Со смертью матери его мир рухнул, он себя почувствовал никому не нужным.

– Почему вы в этом уверены?

– Потому что совсем недавно наткнулась на одну деталь, которая многое объясняет. Когда мать скончалась, Валин сидел рядом с телом четыре дня. Соседи почувствовали запах и вызвали пожарных. Через три месяца после похорон бухгалтер пропал без следа. Очевидно, что перед нами человек с сильно ограниченной эмотивной сферой, не способный преодолевать боль. В таких случаях субъект задумывается не о том, чтобы убить кого-то, а о том, чтобы покончить с собой.

– И вы полагаете, что в конце концов он это сделает, агент Васкес? – задал Гуревич провокационный вопрос.

– Не знаю, – растерянно произнесла Мила. Крепп посмотрел на нее, взглядом выражая поддержку. Но тут Мила поняла. – Вам это было известно, да?

– Должен признаться, мы обошлись с вами немного некорректно, – согласился Гуревич.

Такой поворот дела выбил Милу из колеи. Инспектор вручил ей прозрачную папочку со страницами из научного журнала. Рядом со статьей красовалась фотография Томаса Белмана.

– Избавлю вас от чтения: в общем, там написано, что фирма Белмана издавна владеет патентом на производство единственного лекарства, способного поддерживать жизнь больных с одной редкой патологией. – Гуревич скандировал слово за словом, явно наслаждаясь моментом. – Чудесное средство, способное улучшить качество жизни пациентов, порой надолго отсрочивая конец. Жаль только, что оно стоит кучу денег. Догадываетесь, о каком редком заболевании идет речь?

– Зарплаты Роджера Валина больше не хватало на лечение матери, – вступил Борис. – Он потратил все, что имел, а потом, когда средства иссякли, был вынужден смотреть, как мать умирает.

Вот откуда такая обида, подумала Мила и сразу поняла скрытый смысл русской рулетки наоборот, странного ритуала, который Валин совершил над Белманом:

– В барабане не хватает одного патрона: он предоставил жертве шанс спастись, чего не было дано его матери.

– Именно так, – подтвердил Борис. – И теперь нам нужен полный отчет об исчезновении Валина, включая его психологический профиль.

– Почему вы просите меня? Разве криминолог не сделал бы лучше? – Мила по-прежнему ничего не понимала.

Гуревич снова вмешался в разговор:

– Кто заявил об исчезновении Валина семнадцать лет назад?

Вопрос никак не был связан с колебаниями Милы, но она все равно ответила:

– Фирма, на которую он работал, после недельного отсутствия без уважительной причины. Его нигде не могли найти.

– Когда его видели в последний раз?

– Никто не помнит.

Потом инспектор повернулся к Борису:

– Ты ведь не сказал ей, правда?

– Нет, пока не говорил, – признался тот вполголоса.

Мила переводила взгляд с одного на другого:

– Чего мне не говорили?

8

Местом, где произошло то, что послужило прологом к бойне, была кухня.

Сюда явился Валин, выйдя из сада и замаячив перед застекленной дверью. Но это место было признано «вторичной сценой преступления» совсем по другой причине.

Здесь был разыгран также и эпилог этой неимоверно долгой ночи.

Вот почему Гуревич, Борис и Мила спустились этажом ниже. Мила следовала за старшими по званию, не задавая вопросов: была уверена, что вскоре все разрешится. Они прошли по лестнице, облицованной деревом, и очутились в просторном помещении, скорее похожем на гостиную, чем на кухню. Его окружала выходившая в сад застекленная веранда, которую, однако, криминалисты не завесили темными полотнищами.

Трупов здесь нет, поняла Мила. Но не испытала облегчения, предчувствуя, что встретит кое-что еще хуже.

Гуревич повернулся к ней:

– Какую фотографию вы использовали для поисков Валина после того, как он пропал?

– С беджа, который служил пропуском на работу, он как раз ее обновил.

– И как он выглядел на той фотографии?

Мила восстановила в памяти снимок, висевший на стене в Зале Затерянных Шагов в Лимбе.

– Седеющий, лицо исхудалое. На нем светло-серый костюм, рубашка в тонкую полоску и зеленый галстук.

– Светло-серый костюм, рубашка в тонкую полоску и зеленый галстук, – размеренно повторил Гуревич.

Мила недоумевала: к чему эти странные вопросы, ведь инспектору наверняка известны все подробности.

Но Гуревич не стал ничего объяснять. Он прошел на середину кухни, где находилась зона готовки, прекрасно оборудованная, накрытая вытяжкой в виде массивного купола из камня, обрамленного медью. Чуть дальше располагался обеденный стол из цельного дерева, на котором еще стояли оставшиеся от ужина грязные тарелки; среди них, однако, можно было заметить следы другой трапезы.

Завтрака.

Гуревич понял, что эта странность не прошла мимо внимания Милы, и встал перед ней:

– Вам рассказали, как нам удалось установить личность Роджера Валина?

– Еще нет.

– Около шести утра, на заре, Валин выпустил маленького Джеса из кладовки, привел его сюда и подал ему овсяные хлопья, апельсиновый сок и шоколадный кекс.

Обыденность ворвалась в повествование ужасов. Такие вот неожиданные отклонения и будоражили Милу по-настоящему. Покой посреди безумия обычно не сулит ничего доброго.

– Валин присел рядом с ребенком и подождал, пока тот поест, – продолжал Гуревич. – Как вы и сказали, семнадцать лет назад Валин четыре дня провел рядом с трупом матери. Может быть, этим утром он оставил мальчика Джеса в живых, чтобы и тот пережил нечто подобное. Факт тот, что время завтрака Валин использовал, чтобы в точности поведать, кто он такой. И дабы удостовериться, что мальчик все правильно запомнил, даже заставил его записать услышанное.

– Но с какой целью? – не понимала Мила.

Гуревич дал знак потерпеть, скоро все станет ясно.

– Джес – храбрый мальчик, правда, Борис?

– Очень храбрый, – согласился инспектор.

– Несмотря на происшедшее, он до недавнего времени сохранял спокойствие. Потом сломался и отчаянно зарыдал. Но до того успел ответить на все вопросы.

– Когда ему показали фотографию Валина – ту, где на счетоводе светло-серый костюм, рубашка в тонкую полоску и зеленый галстук, – Джес его сразу узнал, – включился Борис, помрачнев. – Но когда мы попросили описать его во всех подробностях, например, как он был одет, мальчик снова показал на фотографию… «Так» – вот и все, что он сказал.

Мила опешила.

– Это невозможно, – вырвалось у нее: перед глазами снова всплыла фотография из Зала Затерянных Шагов.

– Именно, – кивнул Гуревич. – Мужик пропадает в возрасте тридцати лет. Потом выползает на свет божий в сорок семь, в той же одежде, что и семнадцать лет назад.

У Милы слова не шли с языка.

Гуревич продолжал.

– Где он был все это время? Его похитили инопланетяне? – сыпал инспектор ироническими вопросами. – Он вылез из леса. Его что, летающая тарелка доставила к дверям дома Белманов?

– И вот еще что. – Борис указал на телефонный аппарат, висевший на стене. – С этого телефона Джес по приказу Валина вызвал полицию. Но, согласно данным телефонной компании, ночью, где-то около трех, убийца прервал расправу, чтобы совершить еще один звонок.

– Номер принадлежит круглосуточной прачечной самообслуживания, расположенной в центре, – подхватил Гуревич. – Туда ходят в основном старики и приезжие, поэтому там установлен телефон-автомат.

– Ночью – ни персонала, ни охранника, только система видеонаблюдения, чтобы отпугнуть вандалов и злоумышленников. – Борис со значением посмотрел на нее.

– Тогда вы знаете, кто ответил на звонок, – убежденно проговорила Мила.

– В том-то все и дело, – вздохнул Борис. – На звонок не ответил никто. Какое-то время Валин слушал длинные гудки, потом повесил трубку и больше не пытался перезвонить.

– В этом нет смысла, не так ли, агент Васкес? – отметил Гуревич.

Мила поняла, почему оба инспектора так обеспокоены, но так и не уяснила себе, чем она может помочь.

– Что нужно сделать мне?

– Нам пригодится любая деталь из прошлой жизни Валина, которая может подсказать, куда он мог теперь направиться: у него, несомненно, что-то есть на уме, – заявил Гуревич. – Кому он пытался позвонить ночью? Почему сделал только одну попытку? У него имеется сообщник? Каков будет его следующий шаг? Куда отправился он с винтовкой «Бушмастер .223»?

– И ответы на эти вопросы нельзя получить, не разрешив главную загадку, – заключил Борис. – Где был Роджер Валин последние семнадцать лет?

9

Тяга к насилию у «спрей-киллера» носит циклический характер.

Каждый цикл длится примерно двенадцать часов и делится на три стадии: покой, инкубация и взрыв. Первая наступает после первичного нападения. Но следом за кратким ощущением удовлетворения, довольства идет новая фаза высиживания: ненависть смешивается с яростью. Эти два чувства ведут себя как химические реагенты. По отдельности они не обязательно причиняют вред, но в сочетании образуют крайне нестойкую смесь. И третья стадия уже неизбежна. Смерть – вот единственное возможное завершение процесса.

Но Мила надеялась успеть вовремя.

В качестве эпилога своего действа массовый убийца кончает с собой, а раз Валин этого еще не сделал, значит у него есть план и он собирается осуществить задуманное.

Где же будет нанесен удар и на кого он в этот раз обрушится?

День клонился к вечеру, и небо окрасилось в цвета угасающего лета. «Хендай» медленно продвигался по улице, и Мила, склонившись над рулем, вытягивала голову, пытаясь разглядеть номера домов.

Дома были все одинаковые, трехэтажные, с покатой крышей и садиком перед фасадом. Только выкрасили их в разные цвета: белый, бежевый, зеленый и коричневый, – теперь одинаково поблекшие. В былые времена, уже далекие, здесь жили молодые семьи, на лужайках играли дети и из каждого окна лился теплый, приветный свет.

Теперь здесь остались одни старики.

На смену белым деревянным заборчикам, разделявшим участки, пришли металлические сетки. Среди высокой травы можно было разглядеть кучи мусора и всякий металлолом. Подъехав к дому номер сорок два, Мила сбавила ход и вскоре остановилась. На другой стороне улицы находился дом, в котором с самого рождения жил Роджер Валин.

Прошло семнадцать лет, дом уже принадлежал другой семье, и все-таки именно здесь убийца вырос. Здесь делал первые шаги, играл на лужайке, учился ездить на велосипеде. Из этой двери выходил каждый день в школу, а потом на работу. Театр обыденности. И здесь Роджеру пришлось ухаживать за больной матерью, вместе с ней ожидая медленно наступающего, неизбежного конца.

Занимаясь поиском пропавших людей, Мила хорошо усвоила следующее. Как бы далеко мы ни убежали, дом всюду с нами. Сколь часто мы бы ни меняли жилища, только с одним мы связаны навсегда. Как будто это мы ему принадлежим, а не наоборот. Словно мы сделаны из того же материала: земля – это кровь, дерево – связки, бетон – кости.

Для Милы единственная надежда выйти на след Роджера Валина заключалась в том, что, несмотря на ярость и стремление убивать, после стольких лет, проведенных неизвестно где, на него могут нахлынуть воспоминания и он окажется в их власти.

Она припарковала «хендай» у обочины. Вышла, огляделась. Ветер шелестел листвой, и его порывы приносили отдаленное завывание противоугонного устройства, которое звучало то громче, то тише, а то и вовсе пропадало в прочих уличных шумах. В саду бывшего дома Валинов стоял остов бордового многоместного «седана», без колес, на четырех столбиках из кирпичей. В окнах мелькали тени новых жильцов. Вряд ли Роджер стал бы подходить ближе. Дабы удостовериться, что он здесь был, следовало обратиться к кому-то еще. Мила

осмотрелась и наметила себе дом напротив.

Пожилая дама снимала белье, вывешенное сушиться на веревке, натянутой между двумя столбами. Собрав его в охапку, она направилась к крыльцу. Мила быстро пошла наперерез, чтобы не дать ей войти в дом:

– Простите…

Женщина обернулась, с подозрением оглядела ее. Еще на ходу Мила, чтобы ее успокоить, достала полицейское удостоверение:

– Добрый день, простите за вторжение, но мне необходимо с вами поговорить.

– Хорошо, милая, никаких проблем, – отвечала дама с легкой улыбкой. На ней были гольфы из махровой ткани, один сполз до самой щиколотки; халат весь в пятнах и протерт на локтях.

– Вы давно здесь живете?

Женщину, казалось, позабавил вопрос, но во взгляде, которым она окинула окрестности, мелькнула грусть.

– Сорок три года.

– Вы-то мне и нужны, – сердечно сказала Мила. Зачем пугать женщину, спрашивая напрямую, не видела ли она в последнее время своего бывшего соседа Роджера Валина, пропавшего семнадцать лет назад. К тому же она опасалась, что старуха, в силу возраста, может что-нибудь напутать.

– Может, войдем в дом?

– Хорошо, – тотчас же согласилась Мила, которая очень рассчитывала на приглашение.

Старуха повела ее на крыльцо, и непочтительный ветер взъерошил легкое облачко ее редких волос.

Мелкими шажками, шаркая по коврикам и ветхому паркету вязаными тапочками, госпожа Уолкотт двигалась по тропке, протоптанной между мебелью, загромождавшей дом, среди обилия предметов разного рода: стеклянных безделушек, надколотых фарфоровых сервизов и фотографий в рамках, где запечатлелись мгновения далекой жизни. Она несла поднос с двумя чашками и чайником. Мила поднялась с дивана, помогла поставить его на столик.

– Спасибо, милая.

– Не стоило утруждать себя.

– Никакого труда. – Женщина разлила чай. – У меня так редко бывают гости.

Глядя на нее, Мила задумалась, не грозит ли и ей со временем такое же одиночество. Похоже, компанию госпоже Уолкотт составлял только рыжий кот, клубком свернувшийся в кресле: время от времени он приоткрывал глаза, чтобы оценить обстановку, потом засыпал снова.

– Сатчмо не идет к чужим, но, вообще-то, он ласковый.

Мила подождала, пока пожилая женщина усядется напротив, потом взяла чашку и начала разговор:

– Вам покажутся странными мои вопросы, ведь столько лет прошло. Вы, случайно, не помните семью Валин – они жили там, напротив? – Мила указала дом на другой стороне улицы и тут же заметила, что госпожа Уолкотт помрачнела.

– Несчастные люди, – прошептала она, значит точно вспомнила. – Когда мы с моим мужем Артуром купили этот дом, они тоже сюда переехали. Все мы были молодые, и квартал новый, недавно построенный. Идеальное место, чтобы жить счастливо и растить детей. Это сказал агент по недвижимости, и так оно и было. Особенно в первые годы. Многие перебрались сюда из центра. В основном служащие, коммерсанты. Ни рабочих, ни иммигрантов.

Госпожа Уолкотт принадлежала к поколению, для которого такие неполиткорректные высказывания были в порядке вещей. Милу это немного покоробило, но она продолжала тем же задушевным тоном:

– Расскажите мне о Валинах. Что это были за люди?

– Приличные. Жена домохозяйка, муж – торговый представитель, работа хорошая. Она была красавица, – казалось, у них счастливая семья. Мы скоро сдружились. Каждое воскресенье устраивали барбекю, отмечали все праздники. Мы с Артуром только что поженились, а у них уже был сын.

– Роджер – вы его помните?

– Как же его забыть, сорванца такого. В пять лет уже гонял на велосипеде взад-вперед по улице. Артур ужасно любил мальчонку, даже построил ему домик на дереве. Вскоре стало ясно, что у нас с мужем не будет детей, но ни один не делал из этого трагедии, чтобы не расстроить другого. Знаете, Артур был прекрасный человек. Из него получился бы превосходный отец, будь на то воля Господа.

Мила закивала. Как многие старики, госпожа Уолкотт любила поболтать, время от времени нужно было ее возвращать к первоначальной теме.

– Что же случилось с родителями Роджера?

– Госпожа Валин серьезно заболела. – Женщина покачала головой. – Врачи сразу объявили, что она не поправится. Еще говорили, что Господь приберет ее к себе не так скоро. До того ей уготовано много боли и страдания. Может быть, поэтому муж решил оставить семью.

– Отец Роджера бросил семью? – Мила удивилась: в деле об этом не было информации.

– Да, милочка, и больше не показывался, даже не интересовался, как они тут справляются одни, – укоризненно проговорила госпожа Уолкотт. – И Роджер, который раньше был живым, бойким мальчиком, мало-помалу сник. Мы с Артуром видели, как он все больше сторонится людей, хотя раньше у него

друзей было хоть отбавляй. Часами сидел один или рядом с матерью. Ответственный маленький мужчина.

В голосе госпожи Уолкотт звучала неподдельная горечь, ей, наверное, было бы больно, узнай она, какой ужас сотворил Роджер Валин этой ночью.

– Мой муж сильно переживал из-за мальчика и злился на его отца, даже ругал последними словами. А ведь такими друзьями были. Но перед Роджером – никогда. С ним у Артура сложились особые отношения, только мужу и удавалось выманить мальчика из дому.

– И чем же?

– Часами, – проговорила госпожа Уолкотт, ставя на поднос пустую чашку, между тем как Мила только сейчас обнаружила, что едва прикоснулась к чаю. – Артур коллекционировал часы. Покупал их и на блошиных рынках, и на аукционах. Целыми днями сидел за столиком, разбирал их, чинил. Когда он уже вышел на пенсию, приходилось напоминать ему, что пора поесть или пойти спать. Просто невероятно: жить в окружении часов и не замечать хода времени.

– И он привил эту страсть Роджеру. – Мила уже знала о хобби убийцы.

– Научил его всему, что знал сам. Мальчик до безумия увлекся этим миром неукоснительной точности, где вечно слышится «тик-так». Артур говорил, что он прямо создан для этого дела.

Стать бесконечно малым – завидное состояние для того, кто несчастлив, подумала Мила. Ты вроде бы исчезаешь из поля зрения других, но выполняешь для мира какую-то важную задачу, например считаешь секунды. Но Роджер Валин в конце концов решил просто исчезнуть, и баста.

– Там, наверху, у нас мансарда, – сообщила госпожа Уолкотт. – Вначале мы приберегали ее для детей, но дети у нас так и не появились. Мы все время собирались ее сдать, но потом Артур устроил там мастерскую. Они с Роджером затворялись наверху и, бывало, не показывались до вечера. После муж заболел, и мальчик тотчас же перестал к нам ходить – как отрезало. Артур оправдывал его, говорил, мол, все подростки немного бессердечные и Роджер это не со зла. И потом, он и так каждый день видит, как угасает мать, от него ли требовать,

чтобы он посещал еще одного умирающего, пусть даже единственного друга, который у него остался. – Женщина вынула из кармана халата замусоленный платок и вытерла слезу, появившуюся у краешка глаза. Потом скомкала платок и зажала в кулаке, на случай если опять понадобится. – Но я уверена, что Артур очень переживал. Думаю, в глубине души он все надеялся, что Роджер снова переступит этот порог.

– Значит, ваши отношения на этом прервались, – заключила Мила.

– Нет, – возразила госпожа Уолкотт, даже как-то удивившись. – Минуло полгода после смерти мужа, Роджер даже на похороны не пришел. И вдруг однажды утром, совершенно неожиданно, появляется у меня в дверях. Спрашивает, можно ли подняться в мансарду, завести часы. С того дня у него вошло в привычку туда являться без спроса.

Мила невольно посмотрела наверх:

– Туда, в мансарду?

– Конечно, – подтвердила старуха. – Приходил со школы, сразу бежал к матери, обихаживал ее и, если ей больше ничего не требовалось, поднимался ко мне в мансарду и часами там сидел. Продолжал это делать, даже когда устроился на работу счетоводом, но с какого-то момента я больше ничего не слышала о нем.

Мила поняла, что речь идет о моменте исчезновения.

– Из вашего рассказа следует, что, если не считать матери, вы видели его чаще всех в нерабочее время. Но к властям обратились не вы. Простите, но вас не удивило, что Роджер больше не приходит?

– Он входил и выходил сам по себе. В мансарду можно подняться только по внешней лестнице, так что мы порою даже и не пересекались, – отвечала женщина. – Он был тихий, молчаливый, но, странное дело, я всегда знала, когда он наверху. Трудно это объяснить… Чувствовала, и все. Ощущала его присутствие в доме.

Мила подметила какое-то смятение во взгляде и на лице пожилой дамы. Боится, что ей не верят, думают, что выжила из ума. Нет, что-то еще. Неприкрытый страх. Мила наклонилась к ней, взяла ее за руку:

– Госпожа Уолкотт, признайтесь честно: в последние семнадцать лет у вас возникало чувство, что Роджер здесь, с вами?

Глаза женщины наполнились слезами, но она, выпрямившись и крепко сжав губы, пыталась их сдержать. Потом кивнула энергично, решительно.

– Если вы не возражаете, я хотела бы осмотреть мансарду.

10

Противоугонная сигнализация, которую Мила слышала, когда заезжала в квартал, все еще орала вдалеке.

Поднимаясь по ступенькам внешней лестницы, ведущей в мансарду, Мила инстинктивно потянулась к рукоятке пистолета. Не то чтобы она верила, будто перед ней предстанет Роджер Валин собственной персоной, но реакция старой госпожи Уолкотт на ее последний вопрос заронила некоторые опасения. Конечно, это могли быть бредовые измышления одинокой пожилой женщины, но опыт подсказывал Миле, что страхи никогда не бывают беспочвенными.

Очень может быть, что в дом и правда заходил гость, молчаливый, а главное, нежеланный.

Второй раз за день Миле довелось обыскивать чужое жилище. Рано утром – дом Коннеров, где в кладовке обнаружилась девочка-привидение. Теория вероятности подсказывала, что на этот раз вряд ли так повезет, хотя кто его знает.

Дверь мансарды была заперта, но госпожа Уолкотт дала ей ключ. Пока Мила возилась с замком, сирена противоугонного устройства все вопила и вопила: то ли назойливое предупреждение, то ли наглая насмешка.

Мила взялась за ручку двери и повернула ее, все же на что-то надеясь. Помимо ожиданий, дверь не заскрипела, а отворилась с легким вздохом. Квартирка, открывшаяся ей, простиралась между скатами крыши. Ларь, ветхая кровать, матрас с которой был снят и стоял, свернутый, в углу; кухонька с двумя газовыми конфорками и крохотный туалет, встроенный в стенной шкаф. В отдалении луч света из слухового окна падал на рабочий столик, стоящий у стены, а над ним на стене виднелась небольшая витрина, вся покрытая пылью. Мила сняла руку с пистолета и медленно вошла, чуть ли не кожей ощущая, что вторгается в чье-то личное пространство.

Скорее, убежище, поправила она себя.

Никаких признаков того, что Роджер Валин заходил сюда. Все здесь казалось неподвижным, нетронутым на протяжении лет. Мила присела за рабочий столик. К одному из углов был привинчен зажим, над столиком – круглая лампа на гибком штативе, под ней – увеличительное стекло. Мила окинула взглядом миниатюрные инструменты, разложенные в безупречном порядке. Узнала отвертки и пинцетики, маленький ножик, чтобы вскрывать корпус часов, и лупу часовщика. Коробочки, полные винтиков и шестеренок. Подушечка для монтажа, деревянный молоток, масленка. И другие высокоточные инструменты, которых она не знала.

Если бы не проклятая сирена, которая никак не утихала, Милу охватил бы покой, исходящий от этих предметов. Она подняла глаза на витрину прямо перед собой. Там, на двух полочках, была выставлена коллекция часов господина Уолкотта.

Все остановлены магией единственной силы, способной побороть власть времени: смертью.

Так, навскидку, их было около полусотни, наручных и карманных. Мила стала рассматривать их через стекло. Заметила несколько фирмы «Лонжин», одни – «Тиссо», еще одни – «Ревью Томмен», на синем ремешке и в посеребренном корпусе, и очень красивые «Жерар Перрего», из стали. Мила в этом не разбиралась, но складывалось впечатление, что муж оставил госпоже Уолкотт маленькое сокровище, о котором женщина, кажется, и не подозревает. А ведь достаточно продать какие-то экземпляры, чтобы обеспечить себе более вольготную жизнь. Но нет, одумалась Мила. Чего желать женщине, которая осталась одна на целом свете? Ей хватает кота, который к ней лениво ластится,

и воспоминаний, которые мириадами приходят к ней, приняв косную форму безделушек и старых фотографий.

В обрамлении слухового окна виднелся особнячок на другой стороне улицы. Мила попыталась прочесть мысли Роджера Валина. Твой дом был у тебя перед глазами, и складывалось впечатление, будто ты никогда не оставляешь мать одну. Но в то же самое время пребывание здесь позволяло тебе от нее бежать. Почему ты исчез через несколько дней после ее смерти? Где ты был? И почему сейчас вернулся? Какой смысл в этой твоей запоздалой мести? И что ты намерен теперь предпринять?

В мысли Милы вторгалась сирена противоугонного устройства, которая ревела все громче и назойливей. Почему Роджер Валин, прежде чем устроить бойню в доме Белманов, надел тот же костюм, в котором пропал? Почему той ночью звонил в прачечную самообслуживания? Почему никто ему не ответил? Роджер, подай мне какой-нибудь знак, доказательство, что ты здесь был! Что в глубине души ты тосковал по миру, из которого бежал, и захотел совершить прыжок в прошлое, в твое былое убежище.

Внезапно противоугонное устройство смолкло. Вой сирены, однако, все еще отдавался у Милы в ушах. Лишь через какое-то время тишина воцарилась повсюду: и в ней самой, и вокруг нее.

Тогда она и услышала тиканье.

Размеренное, как закодированное послание, настойчивое, как тайный зов; Миле слышалось даже, будто часы твердят ее имя. Она открыла витрину, чтобы определить, откуда доносится этот смутный сигнал.

Тикали старые часы «Ланко», недорогие, на ремешке из поддельной крокодиловой кожи, в тронутом ржавчиной корпусе, с трещинами на стекле и циферблатом цвета слоновой кости, пожелтевшим от времени.

Бывает, что часы начинают идти сами по себе, используя завод, накопленный годами. Но, взяв эти в руки, Мила поняла, что они пробудились от долгой спячки не по воле случая.

Кто-то недавно завел их: часы показывали точное время.

11

– Он здесь побывал, сомнений нет.

Мила сидела в машине перед домом госпожи Уолкотт. Только сейчас, в одиннадцатом часу вечера, ей удалось связаться с Борисом, который весь день был на разных совещаниях, где спорили, стоит ли сообщить прессе о массовом убийстве, а заодно раскрыть личность преступника и опубликовать его фотографию. Борис считал, что тем самым вступит в силу тактика выжженной земли, а еще выяснится, сможет ли кто-нибудь, узнав Роджера Валина по фотографии, раскрыть, хотя бы частично, тайну семнадцати лет, проведенных в небытии. Но Гуревич оставался непреклонен. Он полагал, что, если новость распространится, это только польстит массовому убийце и подтолкнет его на то, чтобы повторить единожды осуществленное. И в конце концов серый кардинал Управления настоял на своем.

– Отличная работа, – похвалил ее Борис. – Но на данный момент у нас другие приоритеты.

Совершив расправу, Роджер Валин замел за собой все следы. У них не было ни единой зацепки. А преступник вполне мог ночью начать все заново. В чей дом он вторгнется на этот раз? На ком выместит обиду?

– Проблема в том, что мотив, побудивший убийцу истребить семью Белман, вполне реален, но в то же самое время на редкость расплывчат. Уничтожить семью главы фармацевтической фирмы, которая производит чудодейственное, но слишком дорогое лекарство, – это не очень похоже на часть определенного плана, тебе не кажется? На кого теперь ополчится Валин? На главу ассоциации мужей, которые бросают больных жен, обремененных детьми?

Мила понимала, насколько Борис обескуражен.

– Извини, – спохватился он. – День выдался тяжелый. А ты молодец, добилась хороших результатов. Возможно, мы установим слежку за домом Уолкотт – вдруг наш человек там покажется.

Мила обернулась, посмотрела через дорогу на дом старушки:

– Не думаю, что он вернется: Валин оставил нам часы как своего рода сигнал.

– Мы можем быть уверены, что старая дама не завела их сама? След слишком сомнительный, не знаю, получится ли по нему добраться до Валина.

Борис был по-своему прав, но Мила догадывалась, что существуют еще какие-то осложнения. Тем не менее ныне, в момент конкретной опасности, рассуждать не время, ведь убийца может вот-вот нанести новый удар.

– Ладно, этим мы займемся завтра, – заключила Мила и, попрощавшись с другом, поехала домой.

В это вечернее время она смогла припарковать «хендай» только в трех кварталах от своего многоквартирного дома. Солнце село, и почти летняя жара, стоявшая целый день, резко сменилась сырой прохладой. Мила, в одной футболке и джинсах, ускорила шаг.

Район, застроенный лет сто тому назад, был недавно заново открыт преуспевающей молодежью и именитыми архитекторами, которые не замедлят превратить его в эпицентр новомодных веяний. Такое случалось все чаще. Столица представляла собой море магмы в состоянии непрекращающейся метаморфозы. Только грехи горожан не менялись. Кварталы перестраивались, улицы переименовывались, так что их обитатели могли считать, будто идут в ногу со временем, не отдавая себе отчета в том, что они ведут точно такую жизнь, как и их предшественники, повторяют те же жесты, те же ошибки.

Жертвы, предназначенные своим палачам.

Возможно, Валин, устроив резню, сделал попытку выйти из порочного круга. Белман – важный человек, он, как языческий бог, обладал властью исцелять и даровать жизнь, однако пользовался ею по собственной прихоти. Но Мила по-прежнему не понимала, почему Роджер заставил жену и детей главы семейства расплатиться за его вину.

Об этом она раздумывала, идя к дому. Еще раньше, на пути, сделала остановку у забегаловки, купить пару гамбургеров. Один съела в машине, другой, в пакете, захватила с собой. Дойдя до переулка, Мила оставила его на крышке мусорного контейнера – не выбросила, а положила. Потом поднялась по ступенькам, ведущим к подъезду пятиэтажного дома. Открывая входную дверь, она заметила, как грязные руки протянулись из темноты, чтобы схватить драгоценный пакетик с едой. Скоро бродяге придется покинуть этот квартал. Он не впишется в новый ландшафт, во всей красе изображенный на огромном рекламном щите, полностью закрывавшем дом напротив, который как раз перестраивают: там также представлены во весь гигантский рост будущие счастливые обитатели зоны.

Мила помедлила, вгляделась в радостную пару великанов, которые улыбались ей со щита, – она это делала всякий раз. Но почему-то ни разу им не позавидовала.

Войдя в квартиру и закрыв за собой дверь, она пару секунд постояла, прежде чем зажечь свет. Выбилась из сил. Наслаждалась тишиной, царящей в мыслях. Но это длилось недолго.

Ты – его. Ты принадлежишь ему. Сама знаешь: то, что ты увидишь, тебе понравится.

И это была правда. Она испытала знакомое чувство, ступив на сцену преступления, входя в прямой контакт со знаками зла. Люди смотрят новости и полагают, будто знают все, но они и понятия не имеют о том, что значит в действительности оказаться перед трупом убитого человека. С полицейскими всегда происходит странная вещь. Вначале испытываешь отвращение. Потом привыкаешь. В конце концов это превращается в своего рода зависимость. Сперва смерть ассоциируется со страхом – быть убитым, убить, увидеть убитого. Но потом идея проникает, словно вредоносный ген в цепочку ДНК. Беспрерывно делясь, врастает в тебя, становится тобой. И тогда смерть – единственное, что заставляет чувствовать себя живым. Миле такое наследие осталось от дела Подсказчика. Но не оно одно.

Наконец она протянула руку к выключателю. В ответ засветился абажур на другом конце комнаты. Стопки книг громоздились в гостиной, так же как и в

спальне, ванной и даже на крохотной кухне. Романы, эссе, труды по философии, истории. Новые и подержанные. Мила их покупала и в книжных магазинах, и на развалах.

Она начала их накапливать после того, как исчез в небытии ее коллега по Лимбу Эрик Винченти. Боялась, что кончит, как он, что ее пожрет неотвязная мысль о пропавших.

Я ищу их везде. Ищу всегда.

Или поглотит та тьма, исследовать которую она пыталась. В каком-то смысле книги – спасительный балласт, помогающий не сорваться с якоря в этой жизни, и все потому, что они имеют конец. Не важно, счастливый или нет: все равно это преимущество, которого часто лишены истории, проходящие перед нею каждый день. И потом, книги служили противоядием тишине, питали ее ум словами, необходимыми для того, чтобы заполнить пустоту, оставшуюся после жертв. Но главное – то был ее способ бегства. Ее манера исчезать. Она погружалась в чтение, и все остальное – даже она сама – переставало существовать. В книгах она могла быть кем угодно. Что означало не быть никем.

Каждый раз, когда Мила входила в квартиру, только книги и встречали ее.

Она подошла к стойке, отделявшей гостиную от крохотной кухни. Отстегнула кобуру, выложила ее вместе с удостоверением и кварцевыми часами. Сняла футболку и в оконном стекле увидела свое тощее тело, покрытое шрамами. Хорошо, что у нее нет пышных форм, иначе возникло бы искушение вонзиться в них бритвой. Раны, которые она годами наносила себе, говорили о том, что ей не удается испытывать боль при виде пострадавших от зла. Резать себя – единственный известный ей способ не дать себе забыть, что и она принадлежит к человеческому роду.

Скоро она отметит годовщину последней раны. Не давая себе никаких обещаний, она пробовала этого не делать. Отказ от такой привычки входил в курс самосовершенствования, которому Мила пыталась следовать. Триста шестьдесят дней без порезов, подумать только. Но отражение в зеркале все еще манило, нагое тело искушало ее. Поэтому Мила отвела взгляд. Но перед тем как укрыться в ванной, включила ноутбук, стоявший на столе.

В скором времени ее ждет свидание.

12

Это уже превратилось в ритуал.

В халате на голое тело, с полотенцем на голове, Мила взяла со стола ноутбук и отнесла к себе в постель. Положила на колени, активировала программу. Выключив свет, подождала, пока установится связь через Интернет. Из какого-то места родственная система ответила, и на экране открылось темное окно. Мила сразу узнала звук. Негромкий, размеренный. Он происходил из темноты, но не был враждебным.

Дыхание.

Она сидела и слушала, убаюканная спокойным ритмом. Потом ударила по клавишам, и на черном экране появилось изображение.

Комната, озаренная мягким зеленым светом.

Микрокамера наблюдения – вроде той, какую она чуть было не поставила в доме Коннеров, – сканировала темноту в инфракрасном диапазоне. Можно было различить шкаф у правой стены, на полу мягкий, ворсистый ковер, усеянный игрушками, постер с героями мультфильмов, кукольный домик, узкую кроватку слева.

Укрытая одеялами, в ней спала девочка.

Мила не заметила ничего странного, все тихо-мирно. Она еще какое-то время вглядывалась в экран, завороженная безмятежной сценой. Естественно, вспомнила о другом ребенке – запертой в кладовке девочке-привидении, которую она спасла несколько часов назад. Сосредоточившись, Мила воссоздала момент, когда выносила ее из дома, чувствовала на руках вес ее тельца. Но не испытывала ни сострадания, ни нежности. Только и осталось что тактильная память, данная в ощущениях, дополнительная кара к основному проклятию: не быть способной на какое бы то ни было сочувствие. Но столкновение с госпожой Коннер оставило горький осадок.

Что я была бы за мать, если бы не знала, как зовут любимую куклу моей дочери?

В комнатке что-то происходило. Из коридора в открытую дверь просочился отдаленный свет, вскоре перекрытый тенью человека, ступавшего на цыпочках. Потом на пороге возникла фигура. Женщина, однако лица не разглядеть. Она подошла к кроватке, поправила одеяло. Потом прислонилась к дверному косяку и долго смотрела, как девочка спит.

«А ты знаешь, как зовут ее любимую куклу?» – хотела бы Мила спросить у женщины с экрана.

Она вдруг почувствовала себя лишней. Не прерывая связи, щелкнула по клавиатуре, и рядом с окном, куда напрямую передавалось изображение, открылся файл с материалами по делу Роджера Валина. Она собиралась еще раз просмотреть их перед сном. Один важный пункт оставался непроясненным.

Телефонный звонок в прачечную самообслуживания.

Мила не могла уяснить себе причину, по которой убийце понадобилось бы позвонить. Предположим, что у него есть сообщник, – почему тогда никто не ответил на звонок?

Что-то тут не складывалось. Этому обязательно должно быть объяснение. Такой поступок не имеет смысла, так же как и то, что Валин решил явиться в той же одежде, что и на фотографии, сделанной семнадцать лет назад.

Светло-серый костюм, рубашка в тонкую полоску, зеленый галстук.

После бойни массовый убийца позавтракал с сыном Белмана и заодно открыл мальчику, кто он такой. Даже заставил Джеса записать имя на листочке, чтобы мальчик не переврал чего-нибудь, давая показания агентам. Но главное, хотел, чтобы Джес хорошенько запомнил его лицо и одежду.

Гуревич иронизировал по поводу костюма: дескать, массового убийцу семнадцать лет держали в плену инопланетяне. Но, посетив дом Уолкоттов и обнаружив часы, Мила скорее сравнила бы Валина с путешественником во времени, способным через черную дыру попадать из одной эпохи в другую. Обе

гипотезы невероятны, но разница между ними указывает на различные подходы к расследованию. Гуревич, сотрудник убойного отдела, привык концентрироваться на настоящем, на «здесь и сейчас», согласно критерию причины и следствия. В Лимбе, наоборот, работали с прошлым.

Это различие ей объяснил Эрик Винченти. Мила помнила разговоры, какие вела с коллегой по отделу пропавших без вести прежде, чем он сам разделил судьбу тех, кого искал.

«Убийство свершается в момент смерти, – рассуждал Винченти. – Но в „деле о пропавшем“ недостаточно, чтобы человек исчез, нужно, чтобы прошло время. Не те полагающиеся по закону тридцать шесть часов, по истечении которых начинается расследование, а гораздо больше. Исчезновение сгущается, обретает форму, когда то, что человек оставил после себя, начинает портиться, разрушаться: ему отключают электричество за неуплату, цветы на балконе вянут, поскольку никто не поливает их, одежда в шкафу выходит из моды. Причины такого распада, такого небрежения собой следует искать в прошлом». Эрик Винченти слегка преувеличивал, но Мила знала, что в целом он прав.

Человек начинает исчезать гораздо раньше, чем в самом деле пропадает без вести.

В случаях похищения бывает, что человек, который тебя увез, когда-то впервые тебя увидал, а потом следил за тобой, заражая твою жизнь своим невидимым присутствием. В случаях добровольного самоустранения все начинается в тот день, когда ты впервые чувствуешь необъяснимую тоску. Она растет в тебе как некое неутоленное желание, невысказанное стремление, ты сам не знаешь к чему. Это как рана, которая свербит, которую хочется почесать, и ты знаешь, что, если поддаться импульсу, будет только хуже, но удержаться не можешь. Единственное, что остается, – это пойти на зов. Шагнуть во тьму. Должно быть, это и случилось с Роджером Валином, а также с бедным Эриком Винченти.

Причина исчезновения кроется в прошлом, повторила Мила.

Она снова сосредоточилась на личности убийцы. Ни письма, ни записки, чтобы объяснить, зачем он это сделал. Массовый убийца действует из ненависти, обиды или мести. Массовый убийца выражает себя через свои преступные деяния и не заботится, поймут его или нет, припомнила Мила.

А что, если одежда, звонок в прачечную и заведенные часы в доме госпожи Уолкотт, показывающие точное время, составляют части одного и того же послания?

Разгадка простая: «время».

Валин хочет, чтобы обратили внимание на время его исчезновения.

Мила открыла поисковик. Надев такую одежду, Валин хотел сказать, что мы должны вернуться в прошлое, на семнадцать лет. Поэтому, совершая из дома Белманов ночной телефонный звонок, он не ошибся номером.

Он имел в виду совершенно конкретный адрес.

Мила нашла в Сети сайт телефонной компании. Там был и раздел, содержащий архивные данные, список абонентов по годам. В соответствующую графу Мила вставила номер прачечной самообслуживания, чтобы выйти на имя и адрес абонента, которому принадлежал этот номер во время исчезновения Валина, и запустила поиск.

На экране, отмеряя секунды, появилась иконка в форме песочных часов. Мила неотрывно глядела на нее и, сама того не замечая, кусала губы от нетерпения. Вскоре пришел ответ. Она не ошиблась. Семнадцать лет назад этот номер существовал.

Он принадлежал Храму Любви, расположенному у магистрали, ведущей к озеру.

Мила тут же принялась искать новый номер телефона, но обнаружила, что Храм Любви прекратил свою деятельность много лет назад. Она задумалась. Что теперь делать? Можно сразу сообщить Борису или подождать до завтра. Похоже, и этот след слишком слабый, все могло совпасть по чистой случайности.

Она еще раз заглянула в окно на экране, которое показывало темную комнату, где спокойно спала девочка. Мила не следит за ней, а защищает. И она снова вспомнила то, что произошло в доме Коннеров. Я вторгаюсь в чужие дома, чтобы поставить скрытую камеру, сказала себе Мила. У меня нет совести, но благодаря мне сегодня утром девочка-привидение была освобождена из темницы.

Мила знала, что не вынесет ожидания.

Она закрыла ноутбук, вылезла из постели и стала одеваться.

13

Яркая белая луна словно подмигивала ей с чистого, безоблачного неба.

Дорога, ведущая к озеру, была пустынна. Не только из-за ночной поры. Днем ситуация не менялась. Одно время эти места были раем для отдыхающих. Отели, рестораны, благоустроенный пляж. Но лет двенадцать назад случился необъяснимый мор среди озерной рыбы и животных, обитающих близ берегов. Во властных структурах не смогли объяснить причину; многие утверждали, что виной всему загрязнение воды. Начался массовый психоз, и люди перестали туда ездить. Вскоре проблема исчезла: фауна снова размножилась и экосистема пришла в равновесие. Но было уже поздно, отдыхающие не вернулись. Предприятия, поколениями обслуживавшие их, закрылись и, заброшенные, начали разрушаться, что привело к неуклонному запустению зоны.

Вероятно, Храм Любви постигла та же участь.

То было одно из мест, куда люди обращались, чтобы вступить в брак. Здесь устраивались светские церемонии для тех, кто не принадлежал ни к одной религиозной конфессии и притом не желал довольствоваться простой регистрацией брака в мэрии.

Поднимаясь по склону холма, Мила увидела перед ветровым стеклом «хендая» арку, выложенную из камня, которая одновременно служила и въездом, и вывеской. Посредине красовались вложенные друг в друга сердца из неоновых трубок, давно погасших. Над ними высился жестяной амурчик: лицо его, изъеденное ржавчиной, приобрело какое-то зловещее выражение. Он стал похож на карающего ангела, стоящего на страже обманчивых райских кущ.

Комплекс размещался вокруг парковочной площадки: ряд низких строений и что-то вроде постмодернистской церкви в центре. Лунный свет выхватывал ее из тьмы забвения, но безжалостно подчеркивал заброшенность.

Мила остановилась перед коттеджем, где некогда располагалась регистрация. Выключила мотор, вышла. Ее встретила дикая, недружелюбная тишина места, привыкшего обходиться без человеческого присутствия.

Храм Любви был выстроен на холме, откуда открывался вид на озеро. Не самый, правда, живописный – но можно было различить заброшенные отели, рассыпанные по всему побережью.

Мила поднялась на крыльцо коттеджа, где некогда производилась регистрация, и убедилась, что дверь в офис накрепко заколочена. Попасть туда не было никакой возможности. Рядом с дверью виднелось окно, тоже заколоченное досками разного размера. Оставались щели, через которые можно было заглянуть внутрь. Мила вынула фонарик из кармана кожаной куртки, приникла лицом к неровным доскам и посветила в темный зал.

Из темноты вынырнуло улыбающееся лицо.

Мила отпрянула. Придя в себя, поняла, что перед ней – тот же амурчик, что и над въездом. На мгновение ей показалось, будто он переместился сюда специально, чтобы напугать ее, но это был всего лишь картонный силуэт. Мила снова подошла к окну и через собственное отражение в стекле различила стойку, покрытую пылью, и стеллаж с буклетами, которые частично посыпались на пол. На стене висел плакат: под логотипом Храма Любви был приведен перечень услуг, оказываемых клиентам. Из текста следовало, что влюбленные пары могли осуществить свою мечту и сочетаться браком в какой угодно атмосфере, на выбор. Помещение в самом деле могли обставить по-разному, и предложения звучали экзотически, заманчиво. Можно было выбрать Венецию или Париж, но также и обрамление, вдохновленное фильмами, такими, например, как «Унесенные ветром» или даже «Звездные войны». В самом низу плаката были перечислены цены за каждую церемонию; маленькая бутылочка французского шампанского прилагалась за счет заведения.

Ветер задул в спину, заставив Милу вздрогнуть и обернуться. Внезапный порыв ветра долетел до входа в храм, и дверь заскрипела.

Похоже, ее оставили открытой.

Лунного света было вполне достаточно, чтобы не сбиться с пути, и Мила выключила фонарь. Вышла на площадку. Асфальт, источенный долгими зимами, скрипел под подошвами. Ветер, полный теней, гнался за ней, в дикой пляске путался под ногами. По пути Мила достала пистолет, стиснула рукоятку. Низкие строения вокруг напоминали руины, оставшиеся после ядерной катастрофы. Двери и окна – словно разверстые входы в сумрачные пещеры, скрывающие тьму тайных миров или всего лишь пустоту, из которой сочится страх. Мила шла вперед, оставляя их за спиной. Черные очи тьмы глядели ей вслед.

Надо было кого-нибудь вызвать, лучше всего Бориса. Я себя веду как героини фильмов ужаса, которые прямо напрашиваются на то, чтобы их убили, подумала Мила. Но она знала, почему так поступает. Это – очередная партия в бесконечном турнире. Идти вперед ей велит монстр, который живет внутри ее и только притворяется спящим. Он же направлял ее руку всякий раз, когда она вонзала лезвие в собственную плоть. Она питала монстра своей болью и страхом в надежде утолить его голод. А иначе – кто знает, что она способна сотворить. Или позволить сотворить с собой.

Дойдя до входа, Мила на мгновение остановилась. Потом по ступенькам начала подниматься к крыльцу. Шагнув внутрь, ощутила, как тьма ей дышит в лицо. И узнала запах. Ведь что хорошо в смерти, так это то, что она не прячется, а сразу заявляет о себе живым. Потом услышала звук. Тихий, как многоголосый шепот, исступленный, как стрекот станка.

Она посветила фонариком, и колышущаяся кишащая масса зверьков рассеялась в мгновение ока. Но не вся: некоторые особи, не обращая на нее внимания, продолжали свое дело.

В центре сцены, вызывающей в памяти Средневековье, лежал заскорузлый матрас, а на нем – человек, связанный по рукам и ногам.

Мила выстрелила в воздух, эхо раскатилось по площадке до самого озера, и крысы наконец отбежали от тела. Только одна медлила и, повернувшись, долгую-долгую секунду смотрела на нее красными глазками, полными ненависти к нахалке, которая вторглась на чужую территорию и не дает спокойно поесть. Потом и она растворилась в потемках.

Мила долго вглядывалась в мертвеца. Мужчина, неопределенного возраста. В майке и синих боксерских трусах.

Ему на голову был надет пластиковый мешок, закрепленный на горле изолентой.

Мила отступила назад, стала шарить по карманам в поисках сотового, и луч фонаря сместился, но на матрасе осталось светлое пятно. Это лунный свет пробрался в капеллу следом за ней, и под его лучом на руке мертвеца что-то блеснуло. Мила подошла ближе, пригляделась.

На безымянном пальце левой руки, обглоданном крысами, сверкнуло обручальное кольцо.

14

Всю зону закрыли.

На шоссе поставили временные ограждения и, чтобы окончательно отвадить тех, кто желал бы пробиться к озеру, светящийся знак, предупреждающий об оползне. Только полицейские агенты съезжались в эти заброшенные края.

Ожидая, пока коллеги доберутся до Храма Любви, Мила уселась на ступеньки перед церковью, которая церковью не была. Неся караул возле трупа, она наблюдала, как заря взламывает грань горизонта и изливается в долину. Зеркало воды окрасилось огненно-алым цветом, чуть приглушенным тенью листвы, еще густой и зеленой в эту раннюю осеннюю пору.

Бледный дневной свет безжалостно высветил сцену, которую Мила оставила у себя за спиной. Странное ощущение покоя овладело ею. Будто бы она, устав бояться, перестала вообще что-либо замечать. Не двигаясь с места, слушала вой полицейских сирен, потом смотрела, как из ложбинки выныривают проблесковые маячки: войско освободителей на марше.

В тот момент, когда над сценой преступления загорелись галогенные лампы, ужас съежился и пропал, уступив место холодному анализу.

Эксперты-криминалисты уже огородили периметр и принялись собирать вещдоки, фотографировать все подряд и воссоздавать картину преступления. В обычном балете, который исполняется вокруг трупа, настал черед выйти на сцену судмедэксперту и команде санитаров, которые затем вынесут мертвое тело.

– Вроде бы все ясно, но ничего не ясно. – Чан, склонившись над потерпевшим, выдал такое загадочное заключение.

Снаружи сновали агенты, но внутри капеллы, кроме криминалистов, присутствовали только Мила и Гуревич, которого не совсем удовлетворила брошенная доктором фраза.

– Можно поточнее?

Чан еще раз приподнял с матраса, пропитанного всякой органикой, обмякшее тело мужчины, в одном белье и с пластиковым пакетом на голове.

– Честно говоря, нет. – Чан отвечал уклончиво потому, что побаивался инспектора.

Эта нерешимость выводила Гуревича из себя.

– Нам нужно как можно скорее узнать, когда наступила смерть.

Проблема была связана с крысами, которые сильно повредили труп. Особенно пострадали кисти и ступни, почти полностью обглоданные. Под мышками и в паху зияли глубокие раны. При таком состоянии тела определить время наступления смерти при визуальном осмотре было затруднительно, поэтому приписать преступление Роджеру Валину пока не представлялось возможным.

Но, размышляла Мила, даже если бы массовый убийца и мог его совершить, это означало бы радикальную, неслыханную смену способа действия, того, что зовется в криминалистике modus operandi. Было невозможно объяснить переход от полуавтоматической винтовки «Бушмастер .223», стрельба из которой не предполагала никакого физического контакта с жертвами, к тому, что имели они сейчас перед глазами. Вот почему в воздухе витало такое напряжение.

В капеллу вошел Борис и встал в уголке, прислушиваясь к разговору.

– Предположить с большей долей вероятности, сколько времени тело пролежало здесь, можно только после вскрытия, – упорствовал судмедэксперт.

Раздражение Гуревича нарастало.

– Я не требую от вас отчета, а лишь прошу высказать мнение.

Чан задумался: он уже наверняка держал в уме ответ, но боялся сболтнуть лишнее, ведь в случае грубой ошибки на него же и повесят всех собак.

– Я бы сказал, что смерть наступила около суток назад.

Из такого ответа следовало два вывода. Первый, менее значимый, заключался в том, что, если бы даже кто-то и разгадал чуть раньше загадку телефонного номера прачечной самообслуживания, человека, которому надели на голову пластиковый пакет, уже нельзя было спасти. Но более важным следствием было то, что убийство никак не мог совершить Роджер Валин.

Разумеется, Гуревич не был от этого в восторге.

– Второй убийца. Другой почерк. – Он скорбно покачал головой, видя, как усложняется расследование. – Ладно, давайте поглядим, кто убитый.

Теперь наконец они могли открыть лицо потерпевшего. Может быть, подумала Мила, это приблизит их к разгадке новой тайны.

– Приступаю к снятию пакета с головы покойного, – объявил Чан.

Он надел свежие латексные перчатки и налобный фонарь. Вооружившись скальпелем, подошел к телу. Двумя пальцами приподнял край жуткого савана, прилипшего к лицу, в то время как другой рукой сделал точный разрез по пластику, начиная с уровня теменной кости.

Все присутствующие сосредоточились на операции и с нетерпением ждали ее результата, только Мила не могла отвести взгляд от обручального кольца,

блестевшего на безымянном пальце левой руки покойного. Думала о женщине, которая еще не знает, что осталась вдовой.

Чан продолжил разрез до горла и аккуратно отлепил и развел в стороны два получившихся лоскута.

Наконец обнажил лицо.

– Вот дерьмо! – скривился Гуревич.

Все сразу поняли, что инспектор узнал убитого.

– Это Рэнди Филипс, – подтвердил Клаус Борис. Тут же вспомнил, что в кармане пиджака лежит утренняя газета, и протянул ее коллеге. – Третья страница.

Там красовалась фотография мужчины, элегантно одетого, с надменной улыбкой. Хотя сомнений и так не возникло, Гуревич сравнил фотографию с лицом покойного, потом прочел заголовки:

– «Филипс проваливает дело»… «Судья выносит обвиняемому приговор из-за неявки адвоката на заседание».

Пока Чан осматривал голову, Борис просветил присутствующих:

– Рэндалл, Рэнди Филипс, тридцать шесть лет, специализировался на делах о домашнем насилии. Обычно выступал на стороне плохих мужей. Стратегия его защиты заключалась в том, чтобы накопать побольше гадостей о женах и невестах. Если компромата не находилось, он что-нибудь сочинял. Как никто, умел облить несчастных женщин грязью, выставить их в самом дурном свете. Невероятно, но, даже если бедняжка являлась в зал суда, покрытая синяками, или с фонарем под глазом, или даже в инвалидном кресле, Филипс своими россказнями был способен убедить присяжных в том, что она сама напросилась.

Мила заметила, как мужчины из команды Чана обменялись насмешливым взглядом. Привычный дух мужской солидарности, допускающей любые мерзкие домыслы по отношению к женщинам, привел ей на память выступления Рэнди

Филипса по телевидению. Девизом адвоката было: «Женщину осудить ничего не стоит… Даже если судят другие женщины». В большинстве случаев он добивался оправдания своих клиентов, а в остальных ему удавалось существенно скостить срок. Он заслужил прозвище Гроза Жен и другое, неласковое, Рэнди Поганец.

– Наверное, уже можно восстановить картину преступления, – объявил Чан после первичного осмотра. – Сначала его вырубили электрошоковым пистолетом, тазером или стрекалом для крупного рогатого скота. – Он указал на горло, где была видна метка от электрического разряда, пусть несильного и кратковременного. – Потом связали ремнями по рукам и ногам. И наконец, надели на голову пакет. Смерть произошла в результате задержки дыхания.

За этим отчетом последовало глубокомысленное молчание.

– Рэнди Филипс был женат?

Все повернулись к Миле, ошеломленные неожиданным вопросом. Гуревич покосился на нее с подозрением.

– Я, конечно, могу ошибаться, но что-то не припомню, чтобы у него была супруга, – проговорил Борис.

Без лишних слов Мила приподняла левую руку покойника и предъявила обручальное кольцо, которое заметила благодаря лунному лучу в тот самый момент, когда обнаружила тело.

Все онемели.

Что-то вроде возмездия.

– Рэнди принужден обручиться со смертью в Храме Любви, подумать только! – иронически заметил Чан, покидая сцену преступления, стараясь, правда, чтобы Гуревич не услышал. Этого ему показалось мало, и он добавил в том же ключе: – Приперт к стенке, втиснут в брак, который уже не расторгнешь.

Так и женщины увязают в мечтах о любви, которые оборачиваются кошмаром, подумала Мила. Не имея ренты, не работая, они не могут требовать развода и принуждены терпеть дурное обращение, ибо не так их страшат тумаки, как перспектива потерять все. А если какая-нибудь бедняжка единожды и находит в себе мужество заявить о насилии, то видит, как ее мучитель благодаря Рэнди выходит на свободу.

– Надо установить, действовал ли убийца один или имел сообщников, – заметил Гуревич, а тем временем Крепп и его команда вновь завладели местом преступления, чтобы завершить работу, которую прервали, чтобы предоставить судмедэксперту свободу действий.

– Убийца был один, – заявил эксперт своим обычным безапелляционным тоном, устраняя тем самым всякие сомнения.

– Ты уверен? – спросил Борис.

– Когда мы только что пришли и начали работать над сценой преступления, я велел моим людям снять отпечатки следов с пола – пыль, копившаяся годами, нам в этом очень помогла. Исключая следы агента Васкес, все прочие принадлежат потерпевшему и еще одному человеку, который носит обувь тридцать восьмого размера.

– Продолжайте. – Гуревич с интересом слушал реконструкцию событий.

– На площадке мы не обнаружили отчетливых отпечатков шин. Еще предстоит разобраться, как Филипс и его убийца добрались сюда. Я бы сказал, не лишне будет направить водолазов обследовать дно озера.

Убийца не хотел, чтобы тот, кто нашел тело, был бы к этому подготовлен, – вот единственная причина, заставившая его избавиться от машины Рэнди Филипса. Ему был важен театральный эффект.

– Наверное, стоит поближе взглянуть на это кольцо. – Крепп указал на палец Филипса.

– Если там остался отпечаток, не пропусти его, – напутствовал Гуревич.

Эксперт-криминалист проворчал что-то, встал на колени перед матрасом и приподнял обглоданную руку покойника грациозным, чуть ли не романтическим жестом. Снял кольцо и понес его в фургон с аппаратурой, припаркованный у входа.

На площадке агент принес два стаканчика кофе, для Гуревича и Бориса. На Милу не обратил никакого внимания. Та держалась на должном расстоянии от старших по званию, но прислушивалась к разговору.

– Об исчезновении Рэнди никто не заявлял.

– Ничего удивительного, коль скоро он жил один. Случалось, наверное, что он подолгу не являлся в контору и не сообщал секретарше, где находится. Скользкий тип, вечно что-то затевал, скрытничал. – Борис взмахнул руками и опустил их в безутешном жесте. – Но если мы исключаем Роджера Валина еще и потому, что, как я понимаю, у него нет мотива, кто же тогда убил адвоката?

У Милы складывалось впечатление, что все происходящее составляет часть какого-то более сложного замысла. Она бы и хотела принять участие в обсуждении, но не стала навязываться. Гуревич сам обратился к ней:

– Что вы об этом думаете, Васкес? Кто-то похитил адвоката, привез его сюда и убил. Как вы это объясните?

Инспектор все время смотрел на нее как на пустое место и вдруг предоставил слово. Она отвечала, начисто забыв про дистанцию:

– Не думаю, что убийца похитил Филипса, это слишком сложно и рискованно. Полагаю, он обманом завлек свою жертву. Потом вырубил, связал и прикончил.

– Но почему Рэнди, человек неглупый, согласился приехать в такое пустынное место? – Своим вопросом Гуревич не пытался опровергнуть слова Милы. Инспектор не отвергал ее версию, скорее пытался лучше понять.

– Мне приходят на ум разные предположения о том, почему адвокат мог поехать сюда: убийца располагал – или делал вид, что располагает, – чем-то таким, что

Филипсу было нужно позарез, возможно компрометирующей информацией о жене или подруге одного из своих клиентов. Или они уже были знакомы, и у жертвы не было причин чего-либо опасаться.

Гуревич скривился:

– Смелее, агент Васкес, выкладывайте все.

Гуревич догадался, что Мила пришла к какому-то заключению, но не решается говорить.

– По-моему, это была женщина.

Борис удивленно поднял брови:

– Почему ты так решила?

– Филипс нас считал низшими существами, ergo[2 - Следовательно (лат.).], был уверен, что не выпустит ситуацию из-под контроля: слишком понадеялся на себя. И потом, только у женщины могли быть причины для возмездия.

– Думаешь, она мстила, так же как Валин? – спросил Борис.

– Я пока ничего не думаю, для этого слишком рано. Но то, что Филипс так легко попал впросак, да еще размеры кольца, такого броского – явно модель, предназначенная для женской руки, – все это подкрепляет данную версию.

– Здесь что-то есть.

Голос Креппа донесся из фургона криминалистов, стоявшего неподалеку. Все трое насторожились и как по команде бросились туда.

Эксперт сидел у стойки с различными приборами. Он рассматривал через увеличительную линзу кольцо, снятое с пальца жертвы.

– Отпечатков нет, – сообщил он. – Но на внутренней стороне кольца имеется надпись, и она мне кажется небезынтересной. – Он протянул руку и включил монитор, подсоединенный к прибору. На экране показалось гигантское изображение кольца. – Это число, возможно дата свадьбы… двадцать второе сентября.

– Сегодня! – воскликнул Борис.

– Да, но гравировку явно сделали несколько лет назад, – уточнил Крепп. – Ее покрывает патина.

– С годовщиной вас, – съязвил Гуревич.

– Кроме даты, есть кое-что еще. – Эксперт повернул кольцо под линзой, обнаруживая еще одну надпись, добавленную позже.

В самом деле, она разительно отличалась от предыдущей гравировки: та была аккуратная, эта – топорная. Очевидно, что делал ее не ювелир. В бороздках, скорее, в царапинах металл блестел ярче.

– Ее сделали недавно, – заключил Крепп.

Этот последний факт делал смысл надписи угрожающим.

21 ч.

Гуревич обменялся с Борисом встревоженным взглядом:

– Двадцать второе сентября, двадцать один час. Похоже, кроме двоих убийц, которых еще предстоит поймать, у нас есть ультиматум.

15

Никто и представить себе не мог, что должно случиться в двадцать один час.

Тем временем, однако, выяснилось, что Рэнди Филипс приехал в Храм Любви на своем «мерседесе». Машину нашли на дне озера, как и предвидел Крепп. Следовательно, у убийцы был собственный автомобиль, на котором он и уехал, совершив преступление.

Исключив возможность похищения, оставалось понять, почему адвокат оказался настолько наивен, чтобы в одиночку отправиться в заброшенное место, где легко попасть в ловушку. Догадка Милы насчет того, что в деле замешана женщина, привилась и нашла много сторонников.

Группа полицейских все еще просеивала архив в адвокатской конторе Рэндалла Филипса, ища совпадение с датой, обозначенной на обручальном кольце.

Оставалось много, даже слишком много темных мест, и 22 сентября было единственной зацепкой, какую они имели.

Во-первых, невозможно объяснить, что общего между бойней на вилле и убийством в Храме Любви. То, что эти два преступления как-то связаны, было обнаружено только благодаря догадке Милы относительно старого телефонного номера. Непохоже, чтобы жертвы были хотя бы знакомы, стало быть что-то объединяло преступников.

Роджер Валин, давно бежавший от всего и от всех, мог за эти годы познакомиться с кем-то – с женщиной? – и они задумали общий план мести.

К такому выводу пришла Мила, пока болталась по коридорам Управления с толпой других статистов. На вопросы о том, что уже случилось, предстояло ответить коллегам со второго этажа, равно как и на вопросы, касающиеся того, что еще может случиться.

Самая неотложная из проблем – ультиматум.

По мере того как проходили часы, предпринимались различные шаги, чтобы предотвратить преступление или запугать преступника. Многих полицейских вызвали на дежурство, все патрули были усилены. Убийца или убийцы должны были уяснить себе, что город охраняется, с этой целью во многих местах были расставлены посты и увеличено количество патрульных машин. Информаторов, которые обычно сотрудничали с федеральной полицией, предупредили, чтобы

они были начеку и хорошенько смотрели и слушали. Массовое присутствие в городе сил правопорядка могло склонить к сотрудничеству и некоторые криминальные структуры, просто чтобы поскорее закончились проверки на дорогах, сильно вредившие нелегальному трафику.

Чтобы СМИ ничего не заподозрили, было объявлено, что проводится широкомасштабная акция по борьбе с организованной преступностью. Газеты, телевидение, Интернет без конца повторяли очередную бездарную пропагандистскую утку, какую выдало Управление, впустую тратя средства налогоплательщиков.

Тем временем в Главном штабе следовали одно за другим совещания в более или менее узком кругу, и на них определялась стратегия действий полиции. Совещания на самом высшем уровне возглавлялись Судьей. Прочие шли по нисходящей, согласно установленной иерархии. Несмотря на вклад, какой Мила внесла в расследование, ее оттеснили на самый край. Складывалось четкое впечатление, что ее роль намеренно преуменьшается, будто кто-то хочет отстранить ее от дела.

К пяти вечера она покинула верхние этажи Управления и вернулась в Лимб. Вечер приближался, и страх перед тем, что должно случиться, возрастал, но Мила слишком долго обходилась без сна и теперь чувствовала, что ей необходимо отдохнуть, иначе потеряется ясность мысли.

Она укрылась в бывшей кладовке, куда поставила раскладушку для тех случаев, когда приходилось задерживаться в Управлении сверхурочно. Сняла кроссовки, укрылась кожаной курткой как одеялом. Тесная каморка, уютная, как тайное убежище, куда никому нет доступа, была погружена во тьму, только желтоватый свет просачивался из-под двери. Этой полоски хватало, чтобы чувствовать себя в безопасности, будто кто-то снаружи бодрствует и стережет ее, пока она здесь, в темноте. Мила улеглась на бок, обхватив руками колени; сон вначале не шел, но потом уровень адреналина упал, и усталость одолела.

– Нашли.

Мила приоткрыла глаза, не разобрав, прозвучало ли это слово в реальности или выплыло из сна. Произнесли его спокойным тоном, чтобы не напугать спящую. Мила пригляделась: дверь едва приоткрыта, чтобы свет не бил в глаза. В ногах

раскладушки сидел капитан Стеф, держа в руках дымящуюся чашку. Протянул ее Миле, но та, не глядя на кофе, тут же стала искать глазами часы.

– Успокойся, всего семь, срок ультиматума еще не истек.

Мила села на постели, приняла наконец чашку, подула на кофе.

– Кого нашли?

– Поиски в адвокатской конторе Филипса принесли ожидаемые плоды: теперь у нас есть имя… Надя Ниверман.

Хотя она первая высказала такое предположение, Мила изумилась, услышав от капитана, что речь идет о женщине.

– Надя Ниверман, – повторила она, так и не поднеся чашку ко рту и даже напрочь забыв о ней.

– Последнее дело об исчезновении, которое вел Эрик Винченти, – напомнил Стеф. – Нам недавно звонили, – похоже, важным шишкам опять что-то нужно от тебя.

Следующие десять минут Мила говорила по телефону с Борисом. Первым делом отправила ему с компьютера Эрика Винченти файл, содержащий материалы расследования по делу об исчезновении женщины, проводившегося пару лет назад.

Надя Ниверман, домохозяйка, тридцать пять лет, рост – метр семьдесят, блондинка. Вышла замуж 22 сентября. Через три года получила развод по причине того, что муж систематически ее избивал.

– Излишне говорить, что супруг был клиентом Рэнди Филипса, – сообщил Борис по телефону. – Вот и прекрасный мотив для мести.

Что-то не складывалось.

– Мила, что же это такое творится? Что, черт возьми, за история с пропавшими без вести, которые возвращаются?

– Понятия не имею, – только и сказала она. И правда, невозможно понять. Тут была какая-то тайна, и это ее пугало.

Роджер Валин и Надя Ниверман исчезли в слишком разное время.

– Если бы СМИ об этом пронюхали, они бы их окрестили «убийственной парой». Тут все с ума посходили. Судья собирает чрезвычайное совещание.

– Знаю, Стеф только что поднялся к вам.

– Не могу понять, почему Надя убила не мужа, а адвоката, – признался Борис. – Но, может быть, ультиматум относится к нему, – спохватился он.

– Его предупредили?

– Джона Нивермана отправили в надежное место. Он сейчас под охраной, но видела бы ты его: чуть не обделался со страху.

Как и в случае Валина, фотографию Нади не стали распространять в СМИ. В отличие от счетовода, женщина пропала относительно недавно, было больше шансов выяснить, где она находилась все это время.

– Борис, что я должна сделать? Подняться к вам?

– Нет необходимости. Сейчас мы надавим на этого засранца и постараемся выжать из него все подробности о жизни супруги, какие он утаил в то время, когда она исчезла. Потом, прошерстив ее дело, постараемся понять, могла ли она два года назад, чтобы замести следы, рассчитывать на чью-то помощь – знакомого, подруги. Я хочу, чтобы ты тоже этим занялась. Выясни, пожалуйста, не остались ли у Эрика Винченти какие-то записи, не попавшие в официальный файл.

Повесив трубку, Мила сразу принялась за работу.

Быстро прокрутила документы дела на мониторе компьютера. Коллега по Лимбу расположил их в строго хронологическом порядке. Такой метод применялся только в расследовании дел об исчезновении. В убойном отделе, например, события всегда восстанавливались с конца, то есть со смерти потерпевшего.

Эрик Винченти вкладывал много труда в составление отчетов: они выходили у него похожими на рассказы.

– Чтобы подпитывать память, нужно передавать эмоциональное воздействие, какое оказывают некоторые истории, – всегда говорил он. – Тот, кто будет потом читать материалы дела, должен сочувствовать пропавшему человеку.

Винченти полагал, что только в таком случае сотрудник, который придет ему на смену, станет упорно доискиваться правды. Так же, как делал он сам, подумала Мила.

Я ищу их везде. Ищу всегда.

Мила просмотрела ряд фотографий, приложенных к документам. Они свидетельствовали о том, какой след оставляли годы на лице Нади Ниверман, но глаза поблекли прежде всего остального. Только одно могло оказать такое воздействие.

Кому, как не Миле, знать разъедающие свойства боли.

16

Когда-то Надя Ниверман была красивой девушкой. Все парни в лицее ухаживали за ней и были бы не прочь жениться. Чемпионка по легкой атлетике, отличница, актриса на первых ролях в школьном любительском театре. На философском факультете университета ей даже на первых курсах прочили блестящую научную карьеру. В двадцать четыре года Надя была уже зрелой, самостоятельной женщиной. Получив диплом, прошла мастер-класс по журналистике, и ее приняли на неполную ставку в редакцию одного телеканала. Она пробила бы себе дорогу. Но однажды встретила на своем пути не того мужчину.

Джон Ниверман по сравнению с ней был никем. Лицей не закончил, в армии не дослужил, первый брак закончился разрывом. Он унаследовал от отца небольшое, но процветающее транспортное предприятие, но и его умудрился угробить.

Деструктивный тип, оценила Мила.

Надя познакомилась с Джоном на вечеринке. Высокий красивый парень с манерами обаятельного плута нравился всем. И Надя тоже купилась. Ухаживание длилось недолго, через пару месяцев они поженились.

Мила могла представить себе, как дальше развивались события. Надя с самого начала знала, что Джон не дурак выпить, но была уверена, что он знает меру, и надеялась, что со временем семейная жизнь его изменит к лучшему.

В этом заключалась самая большая ее ошибка.

Согласно показаниям сотрудницы социальной службы, проблемы начались через несколько месяцев после свадьбы. Ругались они по тем же причинам, что и до брака, но теперь в ходе ссор выявлялось что-то такое, чему Надя не находила определения. Она сама не знала, в чем дело, не могла это выразить в словах. Скорее впечатление, какое производили некоторые черточки в поведении Джона. Например, он стал надвигаться на нее, с каждым разом все ближе. Сантиметр, еще сантиметр. Но в последний момент отступал.

Потом однажды ее ударил.

Но, сказал он впоследствии, нечаянно, сгоряча. И она поверила. Но подметила новый блеск в его глазах, прежде невиданный.

Огонек злобы.

Эрик Винченти собрал массу информации личного, даже интимного характера, ознакомившись с заявлениями, какие Надя подавала в полицию на протяжении лет. И все неукоснительно забирала через несколько дней. Может, ей было неудобно перед друзьями и родными или стыдно доводить дело до суда и давать показания. А может, потому, что, когда Джон приходил трезвым и просил

прощения, его слова звучали так убедительно, что Надя ему предоставляла второй шанс. Шансов было предоставлено немало. Их можно было бы подсчитать, заодно с синяками. Вначале ими все и ограничивалось, а их легко удавалось скрыть под свитером с высоким воротом или наложить побольше тонального крема. Не о чем беспокоиться, считала Надя, пока он бьет не до крови. Мила знала, как это работает в подобных случаях: достаточно женщине чуть выше поднять планку того, что она согласна терпеть, и процесс пойдет дальше, растянется на целую жизнь. Настанет черед ссадин – это еще ничего, хорошо, что не переломы. А когда он переломает ей пару костей, она убедит себя, что могло быть и хуже.

Но куда больнее, чем тумаки, было другое. Чувство беспомощности и страха, никогда не покидавшее Надю Ниверман. Знать, что насилие всегда рядом, притаилось, будто в засаде, и готово вспыхнуть из-за пустяка. Джон не замедлит наказать ее, стоит только сказать или сделать что-то не так. К примеру, если она спросит невпопад, когда он вернется к ужину. Или муж попросту сочтет, что жена обратилась к нему неподобающим образом или даже заговорила не тем тоном. Поводом может стать любая безделица.

Мила отдавала себе отчет, что любой человек, не испытавший такое на себе, прочитав историю этой жизни, изумится, почему Надя сразу не сбежала. И возможно, придет к выводу, что все шло не так уж плохо, раз она соглашалась терпеть. Но Миле известен был механизм насилия в семье, где роли четко очерчены и неизменны. Именно страх привязывал жертву к притеснителю, приводя к парадоксальному результату.

Единственным, кто мог защитить ее от Джона, был сам Джон, уверилась Надя в глубине своей израненной психики.

Только в одном Надя не покорилась мужу. Он хотел сына, она же тайком принимала таблетки.

Хотя она и была убеждена, что секс, к которому время от времени по пьяни, походя, принуждал ее Джон, не таит в себе никакой опасности, решение было осознанным и неизменным. Она не станет обрекать новое человеческое существо на те муки, которые сама согласна терпеть.

Но однажды мартовским утром она вернулась из супермаркета со странным ощущением внутри. Ее гинеколог говорила, что, несмотря на таблетки, существует самая незначительная, в доли процента, вероятность забеременеть. Инстинкт сразу подсказал Наде, что она ждет ребенка.

Тест подтвердил то, что она уже и так знала.

Выбрав подходящий момент, она сообщила Джону и, к великому своему изумлению, увидела, что после этой новости он вдруг унялся. Она боялась, что злоба, скопившись, вдруг обрушится на нее вся сразу. Однако, хотя пьяные ссоры и продолжались, Джон, даже в самом пылу скандала, больше не трогал ее. Раздувшийся живот стал броней. Она в это никак не могла поверить. Мало-помалу снова училась быть счастливой.

Однажды утром Надя собралась к гинекологу, сделать экографию, и Джон предложил проводить ее, потому что пошел снег. У него был отсутствующий, немного грустный вид, как у всех алкоголиков сразу после пробуждения. Ни следа злости или гнева. Надя надела пальто, взяла сумку, вышла на лестничную площадку и стала натягивать перчатки. Все свершилось в единый миг. Неожиданный, неистовый толчок в спину, твердая почва исчезает из-под ног, и весь мир летит кувырком. Первый удар о деревянную ступеньку, руки инстинктивно прижаты к животу, защищают плод. Второй кувырок, с еще большим ускорением. Стена впечатывается в лицо, край перил бьет по скуле, руки, подчиняясь центробежной силе, разжимаются. Второй удар, третий, один сильнее другого согласно закону всемирного тяготения. Живот смягчает падение. Все, лететь дальше некуда. Нет ни боли, ни малейшего звука и, что самое страшное, никакой реакции. Все внутри тихо, слишком тихо. Надя помнит, какое лицо было у Джона, когда он стоял наверху. Бесстрастное. Потом он развернулся и ушел, оставив ее лежать.

Что испытала при этом Надя, Мила не могла понять, поскольку не умела сочувствовать. Единственная доступная ей эмоция – гнев. Ей, конечно, жаль женщину, но, как ни прискорбно, у нее самой больше общего с Джоном.

После падения с лестницы в полиции не могли закрыть глаза на очередной акт агрессии, вне зависимости от того, поступит заявление от потерпевшей или же нет. То, что произошло, было слишком похоже на попытку убийства. Агенты доходчиво объяснили Наде, что, если она расскажет какую-нибудь небылицу, чтобы выгородить Джона, к примеру заявит, будто сама споткнулась, он

наверняка предпримет еще одну попытку. И тогда уже погибнет не ребенок, а она сама.

Так Надя набралась храбрости. Подав заявление, сделала все, как надо: поселилась в общежитии семейного типа для женщин, подвергавшихся дурному обращению, где муж не мог до нее добраться. Джона задержали и, поскольку он оказал сопротивление полиции, не отпустили под подписку о невыезде. Самой большой победой Нади было не то, что она год за годом терпела рядом с собой этого монстра, а то, что она быстро получила развод.

Но потом явился Рэнди Филипс.

Адвокату оказалось достаточно предъявить в зале суда пару туфель на шпильках. Никаких свидетелей, никаких других доказательств, чтобы продемонстрировать, какая из нее будущая мать. Даже беременная, она не в силах отказаться от кокетства, не понимая, насколько опасно выходить в такой неустойчивой обуви в зимний день, да еще со снегом. Такая женщина не способна позаботиться о безопасности младенца, которого носит в чреве.

В тот день Джон был освобожден в зале суда. А Надя исчезла.

Она не взяла с собой ни единого платья, ничего из своей прошлой жизни, возможно, чтобы все поверили, будто это бывший муж разделался с женушкой. Джону и правда пришлось нелегко. Но, по мнению Рэнди Филипса, доказательств было недостаточно, чтобы его засадить. Так Надя проиграла очередную партию.

Дочитав материалы дела, Мила принялась размышлять. Трезво, без гнева. После всего, что она перенесла, Надя не заслужила, чтобы за ней охотились как за обыкновенной преступницей. Валин, наверное, заслужил. Хотя отчаяние, охватившее его после смерти матери, было непритворным и вполне понятным, он мог бы его преодолеть и жить дальше. У Роджера, черт его побери, было для этого семнадцать лет.

Убийственную пару на самом деле составляли очень разные люди. В какой-то момент своей жизни, жизни беглянки – а какую еще жизнь могла вести жена, удравшая от склонного к насилию мужа, – Надя встретила Роджера, они рассказали друг другу о себе и обнаружили, что их объединяет хранимая

каждым тайна и, может быть, общая ненависть к миру. Слив воедино накопившуюся обиду, они создали убийственный союз.

«Не могу понять, почему Надя убила не мужа, а адвоката», – сказал недавно Борис, когда они говорили по телефону. «Но может быть, ультиматум относится к нему», – спохватился он потом.

Мила не была в этом уверена. Если бы Надя хотела убить мужа, она поступила бы наоборот. Какой смысл убивать Рэнди, да еще так нарочито работая на публику, если потом бывший муж непременно попадет под защиту полиции? Если бы она поступила наоборот, никто бы и не заподозрил, что она хочет устранить также и Филипса.

Ультиматум объявлен не Джону Ниверману, окончательно уверилась Мила. Борис говорил, что мужик чуть не обделался со страху. Возмездие адвокату – обручальное кольцо на палец и мучительная смерть в капелле, предназначенной для молодоженов. Месть бывшему мужу – страх. Надя не хотела, чтобы он так легко отделался: мучитель не заслужил быстрого конца. Он должен испытать то, что испытывала она, постоянно ощущать нависшую над ним угрозу, знать, что с минуты на минуту настанет его черед, жить в невыносимом ожидании неминуемого конца.

Зазвонил телефон, стоявший на столе Эрика Винченти. Вздрогнув от неожиданности, Мила помедлила, прежде чем снять трубку.

– Что ты там делаешь до сих пор? – Голос Стефа. – Уже двенадцатый час, срок ультиматума давно истек.

Мила взглянула на часы, висевшие на стене: она и не заметила, как прошло время.

– И что? – спросила она с трепетом.

– Ничего, пусто. Двое парней устроили поножовщину в баре, и один тип выбрал именно сегодняшний вечер, чтобы попытаться устранить делового партнера.

– Ты видел Судью?

– Нас распустили четверть часа назад, и я подумал: надо позвонить тебе, знал ведь, что ты до сих пор там сидишь. Ступай домой, Васкес. Понятно?

– Так точно, капитан.

17

Тонкий холодный туман растекался по улицам, точно волны призрачной реки.

Около полуночи Мила пошла за машиной на внешнюю парковку, принадлежавшую Управлению. Но, подойдя к «хендаю», заметила, что две шины спустили. Она удивилась и насторожилась: такая неожиданность могла означать, что ей грозит опасность. Не иначе как кто-то, проколов шины, собирается напасть на нее по дороге. Но Мила быстро избавилась от паранойи: побочный эффект расследования, что тут скажешь. И впрямь, достаточно было бросить взгляд вокруг, чтобы убедиться: со всеми машинами на стоянке обошлись точно так же. Определенно, дело рук мстительных хулиганов, которым как-то насолили полицейские из Управления. Такое уже бывало, в последний раз не далее как в начале месяца.

Так Мила решила ехать на метро и направилась к ближайшей станции.

На улице не было ни души, подошвы кроссовок скрипели на влажном асфальте, и звук этот отдавался от стен домов. Когда Мила очутилась у входа в метро, ее обдало ветерком: приближался поезд. Она побежала вниз по ступенькам, надеясь успеть. Приложила купон к турникету, но механизм не сработал. Попробовала еще раз, с тем же результатом. Услышала, как состав отходит, и махнула рукой.

Чуть позже она стояла у автомата, дожидаясь, пока тот выдаст новый купон.

– Найдется что-нибудь для меня?

Голос застал Милу врасплох, и она резко обернулась. За ее спиной стоял мальчишка в фуфайке с капюшоном и протягивал руку за мелочью. Она охотно врезала бы ему по физиономии, но вместо этого сунула в руку сдачу и проследила, как парнишка, довольный, уходит восвояси.

Наконец ей удалось преодолеть преграду турникетов. Она спустилась на эскалаторе, который включался автоматически, стоило кому-то встать на верхнюю ступеньку. Подошла к путям в тот самый момент, когда с противоположной стороны подъехал поезд и выгрузил на перрон небольшую кучку пассажиров. Через несколько секунд полупустой состав снова двинулся в путь.

Мила подняла взгляд на дисплей: ждать оставалось четыре минуты.

Она осталась на станции одна. Но ненадолго. Раздался резкий металлический звук, Мила обернулась и увидела, что эскалатор включился. С минуты на минуту покажется второй пассажир. Но Мила так его и не увидала. Ступеньки стальным водопадом скользили и скользили вниз, и на них никого не было. Что-то слишком он долго, сказала она себе. И в этот миг в памяти всплыл урок, усвоенный во время расследования дела Подсказчика.

Враг никогда не появляется внезапно, он прибегает к отвлекающему маневру.

Мила потянулась за пистолетом и, чуя опасность, повернулась к противоположной платформе. И тогда увидела ее.

На перроне за полосой рельсов, точно напротив Милы, Надя Ниверман, с лицом, поблекшим от долгих странствий, стояла и смотрела на нее пустыми глазами. Усталая, руки бессильно повисли. Широкая куртка с капюшоном, военного образца, явно была ей велика.

Минуту, казавшуюся бесконечной, они стояли неподвижно. Потом Надя подняла правую руку. Приложила палец к губам, призывая к молчанию.

Какие-то бумажки поднялись над рельсами, словно марионетки на невидимых нитях, и исполнили для них двоих короткий танец. Мила вначале не поняла, что ветерок, разметавший мусор, на самом деле предвещал мощную струю холодного воздуха, но, когда пришла в себя, осознала, что с противоположной стороны приближается состав.

Он был уже совсем близко: вот-вот встанет преградой между двумя перронами.

– Надя, – окликнула Мила. Но, увидев, что женщина шагнула вперед, испугалась. Скорее сердцем, нежели умом, уловила ее намерение. Не рассуждая, собиралась уже прыгнуть на рельсы, вброд перейти эту невидимую реку ветра, несущего пыль. В туннеле показались огни приближающегося поезда. Он мчался быстро, слишком быстро. Никак не успеть. – Погоди, – крикнула Мила женщине, которая все стояла как вкопанная и смотрела на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Массовый убийца (англ.).

2

Следовательно (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/karrizi_donato/teoriya-zla

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить